

О. Л. ФЕТИСЕНКО

ПРОПОВЕДНИК НАГОРНОЙ РАДОСТИ
(«Петербургский мистик» Евгений Иванов)

Будь градом, стоящим на вершине горы.
Тут нагорная радость, свет.

Евг. Иванов

Есть люди, судьба которых — остаться в памяти «спутником великих». Евгения Павловича Ива́нова (1879—1942) обычно вспоминают как лучшего друга А. Блока, заметившего о нем в 1913 году в письме к В. Н. Княжнину: «От того, что живут на свете такие люди, жить легче: в них — опора».¹ Бесценно признание Блока в пасхальной открытке 1905 года: «В тебе много силы и какой-то строгости, перед которой я робею. Часто вспоминаю о ней и не называю ее».² Е. Иванов — один из немногих, с кем Блок общался «на глубине»,³ и это общение словно обжигало. Еще в пору общения «на Вы» Блок нашел для своего друга очень выразительный эпитет:

¹ Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 202.

² Блок А. Письма к Е. П. Иванову. М., 1936. С. 35.

³ См.: Максимов Д. Е. Александр Блок и Евгений Иванов // Блоковский сборник. (1). Гарту, 1964. С. 344—361. В этой статье можно найти и важнейшие биографические сведения о Е. Иванове. См. также: Ильюнина Л. А. Иванов Евгений Павлович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1991. Т. 2. С. 379—380. В мою задачу принципиально не входит даже попытка сколько-нибудь подробного его жизнеописания. Читателю предлагается, скорее, «очерк духовной жизни» Иванова, причем не всей жизни, а лишь «годов учения». Особенности личности портретируемого заставили отказаться и от прямой хронологии.

«Вы — один из пронзительных». «Я люблю Ваше лицо — оно *прекрасно* и пронзительно».⁴

Составители аннотированных указателей, наверное, затруднились бы в пояснениях к этому имени. Детский писатель? Публицист? Религиозный мыслитель? — или, скорее, мистик? Именно так, «петербургским мистиком» называл его Блок в 1900-е годы.⁵ «В Петербурге есть великолепный человек: Евгений Иванов. Он юродивый, нищий духом, потому будет блаженным».⁶

А. Белый включал Иванова в круг лиц, не написавших о символизме «ни единой строки», но вынашивавших «атмосферу, слагавшую символизм».⁷ Итак, это человек из тех, что создают фон, «атмосферу» своего времени? «Голос из хора»? спутник, сотрудник, современник, собеседник? Не просто слушатель-Эккерман, но мудрый собеседник. 22 апреля 1903 года В. В. Розанов скажет Иванову: «А вы у нас прямо мудрец» (ИРЛИ. Ф. 662. Ед. хр. 3. Л. 85 об.). В одном из споров о христианстве и язычестве Мережковский останавливает Розанова, показывая на «рыжего студента»: «А вот он что скажет?»⁹

Иванов понимал свое положение «около» и даже (в предсмертные уже годы) обратил свои инициалы Е. П. И. в криптоним, прочитанный как одно из значений греческого предлога «επί» — «око-

⁴ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1963. Т. 8. С. 107.

⁵ См., напр., его письмо к С. М. Соловьеву от 4 марта 1904 г.: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. М., 1980. С. 370.

⁶ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919. М., 2001. С. 139.

⁷ Белый А. О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 38. Это не совсем так. Можно вспомнить хотя бы рецензию Иванова на книгу Г. И. Чулкова «Кремнистый путь» (Мир искусства. 1904. № 4) и отклик на постановку «Эдипа в Колоне», осуществленную Д. С. Мережковским (Новый путь. 1904. № 2). Другое дело, что эти и другие тексты Иванова «не оставили следа»...

⁸ Замечательно, что именно так («Ваш выученик (по подлому выражен(ию) одн(ого) р(одственника)) рыжий студент; бывший у В. В. Розанова прош(лое) и позап(рошлое) воскр(есенье)») было подписано первое письмо Иванова к Мережковскому (ИРЛИ. Ф. 662. Ед. хр. 47. Л. 4 об.). Иванов не рассчитывал, что мэтр мог сразу его запомнить и, чтобы облегчить припоминание, сообщил в подписи свою главную примету.

⁹ Ср. в дневниковой записи: ИРЛИ. Ф. 662. Ед. хр. 1. Л. 92. Далее в ссылках на фонд Иванова указываются только единица хранения и лист.

ло».¹⁰ И тем не менее *эпигоном* назвать его было бы неправильно. Он был не из тех, кто *подражает*, а из тех, кто *порождает*, правда, редко доводя что-либо начатое до конца (признак дилетантизма). Он «выговаривал» свои «темы», дарил их, не задумываясь, — его идеи легко и охотно подхватывали Блок, А. Белый, Мережковские, Розанов. Иногда даже названия не принятых к печати произведений Иванова несколькими годами позже использовались другими авторами (хорошо знакомыми с его неизданными текстами).¹¹ Да и влияние «великих современников» на Иванова было глубже, чем они сами могли предполагать. Так, еще в ранней молодости Иванов умел «в́ычитать» у своих первых учителей — Мережковского и Розанова — то, что они сами порой не видели в своих текстах, или то, что не лежало на поверхности. После первого вдохновенного публичного «выступления» Иванова 17 марта 1902 года на недоуменный вопрос А. В. Карташева (несколько «ревнующего» к быстрому успеху Иванова): «откуда вы это (...) выкопали, ведь у Розанова и Мережковского, о которых Вы говорите, что всем обязаны, нет об этом» (Ед. хр. 1. Л. 71 об.) — он скромно ответил, что все «выкопал» именно у них.

В качестве бесхитростной иллюстрации того, как питались разговором с молодым «мистиком» те самые учителя, приведем некоторые дневниковые записи Иванова.

6 мая 1902 года, всего через два с половиной месяца после знакомства с Розановым, Иванов записал слова его жены: «В кабинет(е) В(асилия) В(асильевича) Варв(ара) Дми(триевна) обрати(лась) ко мне и сказала: „Е(вгений) Павл(ович), а мой муж от вас пр(ямо) в восторге, Вы такое ему озарение своими ответами даете”. На что я замет(ил), что В(асилий) В(асильевич) так добр» (Там же. Л. 89 об.).

Любопытно и наблюдение Иванова после спора с Мережковским о чуде 20 марта 1904 г.: «Я его давно и даже никогда не видал в таком вдохновении как сегодня. Он весь горел после того, как я говорил об остывании от ожидания чуда» (Ед. хр. 6. Л. 12 об.— 13).

¹⁰ Такую подпись он использовал в воспоминаниях о В. В. Розанове «Летающие листья. Из 1902 года». Расшифровка криптонима дана в сопровождающем послыску тетради «Летающие листья» письме к Н. В. Розановой от 19 апреля 1941 г. (ГМИ СПб., фонд А. Блока, 1702-р).

¹¹ Так было, например, с рассказом Иванова «Чертова кукла» — у Э. Гиппиус в 1911 г. вышел роман под таким названием.

Конечно, были и другие случаи. Л. Д. Семенов (поэт и революционер, в середине 1900-х годов — кумир Иванова¹²) однажды резко заметил ему: «„С вами когда говоришь, прямо удивляешься тому сочетанию ценного, может, того, что у нас даже нет, и с какой-то дрянью и рожей. И прежде чем добраться до этого ценного, нужно вам всю эту из вас дрянь и...” „В общем из вас ничего не выйдет”. Это он вначале сказал и в этом глубокая правда. (...) Спускаясь с Сем(еновского) моста, сказал также: „вы человек, не имеющий никакой твердой основы”» (запись от 27 октября 1907 года; Ед. хр. 20. Л. 106—106 об.).

Иванова было не просто *услышать*, иногда окружающих раздражало его «юродство». Так, тетка Блока М. А. Бекетова записала в дневнике 20 июля 1906 года о приехавшем в Шахматово Иванове: «Жене я рада, добрый и милый, но очень уж утомительна его развинченность и неровность, юродство и гримасы, а также бессвязная мистика» (ИРЛИ. Ф. 462. Ед. хр. 3. Л. 124).¹³ Естественно, что *обычные* люди, далекие от «исканий символизма», еще больше должны были раздражаться «мистикой» и «юродством». Иванов сам это прекрасно видел. Ср. в дневнике от 7 февраля 1907 года: «Уже вчера предчувствовалось, но сегодня началось на службе мое, то есть в отношениях служащих ко мне, как в гимнази(и). (...) отношение ко мне как к юродивому» (Ед. хр. 19. Л. 109). Но подобное «отношение служащих» (Иванов служил в петербургском правлении КВЖД) не мешало «юродству проповеди» (1 Кор. 1: 21), не заставляло замкнуться в себе, и уже 10 февраля в дневнике появилась запись: «Было на службе так хорошо, как давно не было. Весь день провели в разговорах о самом Ценном. И я чувствовал себя так хорошо, как давно уже не чувствовал: Бог послал мне вдохновенье. И не было злобления. Говорил, а главное сочувствовал. Говорил о Христе и Боге» (Ед. хр. 20. Л. 3).

Эти «разговоры о самом Ценном», на которые Иванов всегда стремился вывести своих собеседников, — свидетельство о Христе миру, ежедневное незаметное делание, может быть, главное дело его жизни. 28 июня 1906 года он написал: «Разговоры наши не для

¹² «Он выше нас головой. Иван-царевич», — записал Иванов, узнав 8 августа 1906 г. об аресте Семенова (Ед. хр. 18. Л. 19 об.). Явная аллюзия на образ Ставрогина.

¹³ Приблизительно таким запомнился Иванов и актрисе театра Комиссаржевской В. П. Веригиной (*Веригина В. П. Воспоминания*. Л., 1974).

У нас равнодушие к Богу царит, оттого мы и не хот(им) его глазами видеть, ушами слышать».

Зайдя в Казанский собор, Иванов продолжил запись: «Разве увидевший Бога Христа может ненавидеть Его? Он ненавидит не Его, а того, за кого он Его принимает. И разве у того, кто рядом с Богом, есть ненависть?»

Но я говорю вам ненавидеть того, кого вы за Бога принимаете, ибо это не исти(нный) Бог и вы не знаете еще истинного Бога. Он есть Бог радос(ти) (...). Он есть Бог веселия, прош(едшего) чере(з) отчаяние (...). радос(ть) и ликовани(е) спасения от надвига(ющейся) гибели. Да радуется(ся) сердце ваше...» (Ед. хр. 6. Л. 13 об.—14).

О той же «детской» любви к Богу напоминают записи от 7 октября 1904 года и от 21 сентября 1905 года: «Мы „Боженьку целовать” разучились.¹⁴ Первой молитвы, которой научили нас в детстве матери, нет у нас. (...) Нет в нас желания увиде(ть) очи и слыш(ать) уш(и) Бога, потому и слово пустой звук.

„Поцелуй Боженьку!” Да ведь и вечн(ая) мудрость тогда звучала так просто и понятно, и целовали. И какое вино вливалось в сердце, э(то) была вера. И как Христос сидел с дет(ьми), и Его они, „Божень(ку)”, наверно, целовали. И все видели и слыш(али) Бога, все сидели и говори(ли) так просто и неизм(енно) (...) восторжен(но)» (Ед. хр. 9. Л. 2).

«Милое лицо у Бога мы потеряли, заглушили своим сухим, черствым об Нем представлением. (...) Милого Божиьку, Бога мы потеряли, убив его своим представлением о Боге, как сверхчувственным, далеким (...)

Милого Бога, которого можно любить, мы утратили...» (Ед. хр. 15. Л. 48—48 об.).

¹⁴ Эти слова — один из лейтмотивов религиозных размышлений Иванова — навеяны реально увиденной им городской «картинкой». Ср. в дневнике от 23 марта 1904 г.:

«Вот что я слышал в Казанском соборе. Девочку вела дама и девочка лет 5-ти 4-х говорила: „Мама, мы пойдем Боженьку целовать”.

И потом у иконы Божи(ей) Матери говори(ла):

„Подыми меня, мама, Боженьку поцеловать”.

И целовала икону и столбы, и резьбу, все...

А потом уж одна пошла, говоря: „Я иду Боженьку целовать”» (Ед. хр. 6. Л. 13—13 об.).

«Печатных текстов» от Иванова осталось очень мало, да и вообще слова давались ему трудно, письменная речь его сбивчива, косноязычна,¹⁵ но это косноязычие сродни «медленноязычию» и «гутливости» Моисея. Устная же речь, вероятно, была то вдохновенным монологом (может быть, сродни речи А. Белого, но без ее блеска¹⁶), то затрудненной, с мучительным поиском слова. Слова прорастают как колосья, медленно, сквозь земную толщу. Вспомним, что и Блок говорил с некоторым затруднением, как бы вслушиваясь в себя. Блоковское «Молчаливые мне понятны, И люблю обращенных в слух...» сказано как будто о Иванове. Ср. в письмах к Блоку от 17 августа и 22 декабря 1916 года: «Глубина молчит пока...»;¹⁷ «На внешнее молчание мое не обращай внимания, как и всегда: снега молчат; и под ними не слышно, как зреют зерна, умирающие и возрождающиеся».

Главный текст, оставленный Ивановым, — это дневник. Он вел его с юношеских лет (с 1897 года, от времени «первой любви»¹⁸)

¹⁵ Для дневника Иванова характерны пропуски слов, оборванные предложения, часты случаи аграфии, перестановки слогов и т. п. Все это вкупе с трудноразбираемым почерком и «закрывало» архив Иванова от исследователей.

¹⁶ Отметим, что сближает их интерес к «корнесловию» и глоссолалии. Между прочим, в 1920-е гг. Иванов написал статью о Белом (не опубликована, белой автограф в ГМИ СПб.).

¹⁷ *Ильюнина Л. А.* Неопубликованные письма из архива Е. П. Иванова // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1990. М., 1992. С. 122. Далее ссылки на эту публикацию даются сокращенно: Памятники культуры.

¹⁸ Ею стала для Иванова В. Ф. Коммиссаржевская. Местонахождение дневника 1897 г. нам неизвестно. 6 октября 1911 г. Иванов перечитывал эту тетрадь и записал в своем «текущем» дневнике: «Перечитываю дневник 1897 года. Болезнь Коммиссаржевской. Как много хорошего было и теперь хорошее что есть, не надо на себя клеветать. Юность жива. Юност(ь) Божия еще жива во м(не)» (Ед. хр. 34. Л. 4 об.). Сохранилась, правда, и тетрадка более раннего, совсем еще детского дневника 1894 г., начатого после смерти отца. Иванову идет пятнадцатый год, но его записи носят совершенно ребяческий характер: «11 (января) Вторник. Пошел в гимназию. Дрался с Кигелем и Баклановым, вообще продрался все время, даже устал. (...) 30 Воскресенье. Пришел Папа Крес(т)ный. Я ходил в Казанский собор (...) Саша ходил к Гаевскому за Шопенгауером и принес его. За обедом был суп с кореньями и пирог с капустой, тетерка и яблочный крем со сливками. Вечером я чувствовал боль в горле. 2 (февраля) Среда — Сретение Господне. Птицы ели булку. Я сегод-

и до начала второй мировой войны.¹⁹ Очень важно отметить, что Иванов постоянно перечитывал свой дневник, мысля его как единую продолжающуюся книгу. 8 января 1911 года он записал: «Вечером разбирался в дневниках. Какое это хорошее дело, дневн(ик). Гармония Божия» (Ед. хр. 31. Л. 7—7 об.). 19 сентября 1908 года, прочитав подаренную Блоком книгу стихов «Земля в снегу», Иванов сравнил в письме к поэту свое впечатление от лирического «дневника» с переживаниями при обращении к собственным старым дневниковым записям: «Много значит цельность сборника: ощущаются концы вожжей переживаний целого периода; здесь, как при чтении записей в дневниках, ощущается радость от ощущения цельности, известной гармоничности в переживаемом периоде, гармоничности, может, позабываемой, а отчасти и не могущей быть узнанной, ибо ещё период мог быть в самом начале.

Когда же оглянешься назад, что чувствовалось, думалось, ух! тут радость-то радостью, но и тоска муки сосущей. Я так некоторые страницы дневника своего дак не могу читать — так больно».²⁰

В 1920—1930-е годы дневники стали основным материалом для работы над воспоминаниями. Появились даже специальные тетради с выписками. Естественно, что и для моего очерка дневники Иванова также служат важнейшим источником.

Самоанализ в дневнике (а часто и в письмах близким и друзьям) велся очень жесткий. В речевой личности Иванова видны ощущение «призванности» (посвященности) и признание собственной греховности, беспомощности.

Иванов проповедует Христово учение и неудачу своей проповеди всегда приписывает себе, своей греховной природе. Наиболее яркий пример этому находим в письме к Блоку от 21 июня 1904 года. Отвечая на резкие слова Блока «никогда не пойду врачеваться у Христа», Иванов писал: «...дорогой Александр Александрович! что же? как же? Говорите... Странно... Страшно... Я не на ваши слова. Я на себя, я вижу теперь, кто я в жизни; ваши слова только нанесли один

ня ковырял в носу и у меня потекла кровь, я употребил свою аптеку» (ИРЛИ. Коллекция М. С. Лесмана).

¹⁹ Последняя известная нам дневниковая запись была сделана 3 июля 1941 года. Это отклик на речь И. В. Сталина, поразившую не одного Иванова своим «церковным» зачином «Братья и сестры!»

²⁰ Памятники культуры. С. 115.

из последних, может, самый тяжелый удар, прямо в сердце, прямо мне в сердце.

Нет, вы невинны в этом отречении; на мне вина лежит.

Я свет подземных демонов (электричество), который светит, но не греет; я граммофон, глаголящий слова святыя устами мертвеца. И всякий видящий, каков сей свет и каковы мои глаголы, бежит и отрекается от того, о ком я бы хотел сказать. Ибо жизнь моя есть грех и слабость и скука, а потому, говоря о Христе, я лишь только поношу, браню Его, желая восхвалять, ибо что же как не брань в устах бесноватого признание Сына Божия Богом, — и Христос запрещал им произносить имя Его. Так должен был я знать и все ж, однако, я выступил с учением о „колоссящемся Христе” (как вы прекрасно выразились), о восходящем Солнце — Христе моем, распятом и воскресшем. И между тем позорное лицо мое и жизнь вся моя убила свет и еще большие соблазны породила. Не раз я слышал, что не даны мне силы зажечь светильник веры (я всё надеялся хоть каплю крови, хоть кроху хлеба принести на Проскомидию для совершения Таинства Христова). Но обманулся, верно, я, когда вы даже, высокий духом, благородный, чистый, лишь окончательно решили от Него отречься. <...> Я с вами говорил о Нем, немного, правда, но я позорил Его много, потому что жизнь моя не была истинна. И вот пришло время, долготерпение Христа истощилось, и все мои здания рушатся, все мои надежды гибнут. Потому что если вас, который так духом близок к Свету, я не мог тронуть именем Его, то что с другими будет... Да, я зимой уже заметил, что моя „нагорная”²¹ башня колеблется, а теперь она готова совсем упасть. Это оттого, что я все брожу вокруг да около, иду и не иду своей жизнью. <...>

Но теперь, как некогда от царя Саула, Дух Божий отошел и почил на нем Дух злобы, так и со мною. Бог оставляет меня, и что-то черное идет.

Сытость, мразь! До той поры, пока не послана рукой Господней будет мучительная смерть».²²

Не лишним, правда, в связи с этой большой цитатой будет заметить, что через двадцать лет Иванов оценил свое состояние 1904 года как «бесплодное» покаяние — то есть не выводящее к новой жизни. Ср. в его воспоминаниях о Блоке (1924): «В это лето рас-

²¹ О понятии «нагорная радость» будет сказано ниже.

²² Памятники культуры. С. 102—103.

путье, бывшее во мне, и пролитая кровь (война) действовали на душу мою угнетающе; душа „оскудевала”, и чувство, что из меня ничего не выйдет путного, что трещина в Козероге, знаке месяца рождении моего — оправдывается, все более и более росло во мне.²³ Я уже не мог говорить „гордо”, в надежде оправдать нагорность веры своей, я впадал в хроническое покаянное бесплодное настроение» (Ед. хр. 81. Л. 79).

Иванов обладал врожденным пониманием влияния греха одного человека на состояние окружающих и всего мира. Яркий пример этого — запись от 31 января 1907 года: «На вчера еще развратничал. Все это, как я и думал, имело влияние на развращенность других» (Ед. хр. 19. Л. 102). Характерно, что заканчивается эта запись словами: «Тоска о Церкви». В записи от 29 августа 1909 года (набросок к докладу в Религиозно-философском обществе «Одиночество и Церковь») Иванов объяснял: «Дело в том, что, совершая преступление, никто не грешит против себя, но не вредит духу тол(ько) свое(му), он вредит и всему окру(жающему) обществу, ибо от него исходит род мглы и зловония, проклятие [нрзб.] духовное, висящее над нами» (Ед. хр. 24. Л. 6). За грехи человека, как учил апостол Павел, страдает природа. Ср. в записи от 4 июня 1904 года о болезни любимого кота Гинце: «Котыку возили к ветеринару. Он, оказывает(ся), ослеп на левый глаз. Это не я ли, чудовище, ткнул ему тогда пипеткой. И если не пипеткой, то грехами своими. Негодяй я» (Ед. хр. 6. Л. 132). Через некоторое время в тот же день Иванов делает еще одну запись: «Кот сегодня даже совсем ослеп. Уже вчера очен(ь) плохо. Сегодня совсем. Глаза слепые открытые. Богу показывается. Жалуется Господу слезой» (Там же. Л. 137 об.). В письме к Блоку от 21 июня 1904 года этот же случай осмыслен в ключе памяти смертной, памяти о предстоящем Суде: «Я вот уверен, что из-за моей медлительности, греховности наш любимый кот ослеп, и мало того, один глаз буквально разлагается. (...)

²³ «На моем столе, рядом с „моментальной” лампой, лежал 12-тигранник горного хрусталя с изображением на каждой грани по одному из 12-ти знаков зодиака, связанных с 12-тью месяцами в году. С детства занимал он меня, еще лежа в кабинете покойного отца. (...) Но Козерог треснул! То есть 12-ый знак на моем хрустальном 12-тиграннике, знак Козерога — Декабрь, месяц моего рождения, дал трещину, и это предприняло, говорил я А(лександру) А(лександровичу), что из меня ни черта не выйдет!» (Ед. хр. 81. Л. 31—33 об.; начало этого фрагмента см.: Блоковский сборник. (1). Тарту, 1964. С. 369).

В Петербурге водили к доктору; он говорит: „катар”, „закупорка сосудов”. Мы боялись, что не сап ли; надеюсь, что нет. А если да? То расплата за грехи мои настала. И если невинное животное так страдает, то каково-то мне будет. Я оттого так вам и пишу, что всё время чувствую, что все мы, вся семья наша ходит над бездной, покачнулись и упали...»²⁴

Один из главных «страхов» Иванова — боязнь стать «куклой-пустышкой», боязнь осквернить святыню. Самое уничижительное слово в самообличении: «сочинитель». Тот, кто не живет, а все «сочиняет». «Беда моя в том, что слишком во мне много „сочинителя”», — написал он 15 января 1905 года (Ед. хр. 10. Л. 97 об.). «Сочинитель это тот, кто не чувствует того, что говорит, хотя бы говорил глубочайшие <...> мысли...» (Там же. Л. 103; запись от 17 января).

О строгости к себе свидетельствует и запись 1911 года: «12 января. Не знаю, что со мной. Такой упадок сил духа, что просто ах! Пропади пропадом. Скверно, душа немеет. Я нашел себе название „Мистический кокет”» (Ед. хр. 31. Л. 9).

Одно из лучших (и, к сожалению, до сих пор неизданных) произведений Иванова — новелла «Зеркало и автомат» (1906—1908) — посвящено, в частности, именно этой теме кокетства: человек как будто все время смотрит на себя в зеркало, все делает с оглядкой на зеркало (людское мнение и самолюбование), его «левая рука всегда знает, что делает правая». А «зеркальность» с ее неподлинным существованием ведет к «автоматизму», смерти души. Как же в таком случае относиться к ведению дневника? Ведь дневник — это всегда «зеркало». (И как часто подневные записи рассчитаны на будущих читателей.) Но дневник покаянный, а именно таким, как мы видим, был он у Иванова, это уж никак не «сочинительство», не «текстопорождение»... Хотя рисоваться, и это прекрасно понимал Иванов, можно и своими грехами, и «покаянием».

Познакомив читателя с некоторыми важнейшими чертами «портретируемого», сделаем, наконец, биографическое отступление. Боль-

²⁴ Памятники культуры. С. 104. Когда 2 августа кот умер, Иванов написал: «Котышка к Отцу и Матери Небесной ушел. Христос с ним за руку вместе страдал. <...> Оче(нь) тяжко.

Он стонал при каждом вздохе. <...> Он тоже освободился. Господи, гряди с ним» (Ед. хр. 7. Л. 67—68).

шой фрагмент из незавершенной автобиографии Иванова познакомит нас с историей его семьи.

«Родился я в С.-Петербурге (нынешнем Ленинграде) на Разъезжей улице в дом(е) № 16, кв. 4 в четвертом этаже лицевого флигеля, 7-го/20 декабря 1879 года.

Мать моя,²⁵ как и большинство тогда городского населения, рожала не в больнице, а дома. Это были у нее уже седьмые роды.

Она была второй раз замужем. От первого брака ее с Косцовым, умершим в первые же годы после женитьбы, у нее на руках осталась дочь Клеопатра; от второго брака с моим отцом Павлом Александровичем Ивановым сперва родились через год друг за другом два сына, которые умерли в младенческом возрасте; после них родилась дочь Мария,²⁶ потом погодо сын Александр,²⁷ Петр²⁸ и наконец третий и последний сын, я — Евгений. {...}

В это время отец уже зарабатывал настолько, что мог вполне удовлетворять потребности нашей семьи. Лет ему было тогда под 40-к, и мама была годами двумя младше его.

В детстве казалось, что тот уклад жизни, в котором мы живем тепло и сытно, являлся сам собой, и как-то не приходило в голову того, сколько отцу в жизни пришлось перенести трудов, забот и нравственных мучений, чтоб обеспечить нашу жизнь.

А ему очень, очень много пришлось перенести и потрудиться...

Дело в том, что отец мой детство и юность свою провел в большой бедности и унижении.

Он был единственным сыном одной прекрасной кроткой и сердечной девушки, бедной и одинокой, из мещан, Марии Ивановны Ивановой, и при этом сыном „незаконным“, как тогда выражались. От кого же родился у М. И. Ивановой ее сын Павел Александрович?

От небезызвестного в сороковых годах молодого писателя, поэта и прозаика Александра Кирил(л)овича Жуковского,²⁹ который в отличие от своего однофамильца поэта В. Жуковского взял себе псевдоним „Бернет“ и подписывался „Жуковский-Бернет“. На него сразу обратил внимание Белинский и, как любил Ал(ександр) Кир(иллович) говорить, перефразируя Пушкина, „старик Белинский нас отметил и, в гроб сходя, благословил“. Проза его имела некоторое родство с фантастическими рассказами Гофмана, а в стихотворной форме он написал поэму „Вечный Жид“ (Агасфер). В одном стихотворении он описывает скорбь отца над своей подрастающей дочерью, скорбь отца, предвидящего то насилие, которое

²⁵ Мария Петровна Иванова (†1918).

²⁶ Мария Павловна Иванова (1874—1941).

²⁷ Александр Павлович Иванов (1876—1933).

²⁸ Петр Павлович Иванов (1877—1943).

²⁹ Об А. К. Жуковском (1810—1864) см.: Русские писатели. 1880—1917. Биографический словарь. Т. 1. С. 250—251.

придется в жизни пережить его ребенку от бездушных богачей, покупающих все.

Так вот этот самый Александр Кирил(л)ович Жуковский полюбил Марию Ивановну Иванову; прельстил ее и покинул, женившись на какой-то о(с)тзейской немке из Риги.

М. И. Иванова осталась покинутой одна со своим младенцем Павлом, моим отцом.

В те годы считалось для поэтов модным так поступать; наследие байронизма и подражание Фаусту; но Мар(ии) Ивановне тяжело пришлось от этой моды.

В те годы не по-нашему сурово смотрели на такое внебрачное рождение и называли его „незаконным“, чуть ли не „внезаконным“; так что всякий мог попрекнуть и оскорбить безнаказанно брошенную девушку.

От отчаянья Марию Ивановну, по характеру исступленно целомудренную, спасла ее огненная вера золотистая, как ее рыженькие волосы, и беззаветная любовь к ее маленькому Павлу.

В ужасе от этого вероломного поступка, невероятного от любимого человека, Мар(ия) Ив(ановна) порвала всякую связь с Ал(ександром) Кир(илловичем) и при встрече с ним на улицах хватала своего сына Павла и, закрыв его, бежала куда-нибудь скрыться, боясь, что отнимет от нее.

Несмотря на крайнюю бедность, она и мысли не допускала обратиться за денежной помощью к Ал(ександру) Кир(илловичу) и пробивалась малым заработком на шитье белья и уходом за больными, с которыми она удивительно тихо умела обращаться, и ее нередко приглашали и платили за это.

По-видимому, мать Жуковского (упрекавшая сын(а) за его поступок), расположенная к Мар(ии) Ивановне, тоже не упускала ее из вида и временами помогала ей (...).

Павел был мальчик резвый, бойкий, с рыженькими вьющимися волосами. (...) он почти самоучкой выучился к 10-ти годам писать и очень выразительно читать. Книги он очень любил и читал охотно: но систематического учения еще не было.

Мать старалась передать сыну то, чем она жила, свою задушевную веру.

Она часто водила его в церковь, но сын неохотно выстаивал службы, и мать не настаивала, зная, что принуждение тут только ухудшит дело.

Каждый год ходила она в Сергиев Монастырь на ст. Сергиево в верстах 20 от Петербурга и брала на эти дальние хождения своего Павла с малых лет. Отец рассказывал, как было ему вначале трудно и как потом он привык и с охотой совершал эти далекие путешествия. Любов(ь) к дальним прогулкам за несколько десятков верст, по незнакомым еще дорогам, сохранилась у него до конца жизни, и он поощрял ее в нас, трех братьях, его сыновьях.

Ширь полей, блестящее море и чистый воздух с цветами и птицами, вот что привлекало в этих хождениях в Сергиево моего отца, а не то, что думала мать.

Отец любил мать глубоко и, не желая огорчить ее, слушался, исполняя до известного предела все религиозные условия.

Но когда его, 10-тилетнего мальчика, мать для религиозного воспитания по совету старцев-монахов решила оставить в монастыре, то получился неожиданный результат.

Не прошло и недели, как старцы стали просить мать взять от них ее сына, до того он оказался резвым, шумным в монастыре и неспособным к „послушанию”, во всем стараясь поставить на своем и ни на что не соглашаясь без расспросов и разъяснения. Старцы не корили мальчика, но находили, что трудно и не нужно быть ему в их монастыре, ему более способно быть в миру. Мать отчасти была огорчена, но отчасти и рада, что снова с ней ее мальчик Павел, по которому она за неделю очень соскучилась.

Между тем мать А. К. Жуковского, о которой мы уже упоминали, услышав об отдавании отца в монастырь и о результатах этой попытки, принялась энергично хлопотать о принятии отца в классическую 3-ью гимназию, что на Соляном переулке близ церкви Пантелеймона. Ей стоило это немалых трудов, но она добилась своего. Павел Иванов выдержал вступительные экзамены и стал гимназистом-пансионером. По-видимому, платила за учение и пансион (она же), потому что у Мар(ии) Ивановой не хватило бы на это средств.

Здесь учение шло у Павла Иванова не блистательно, но и не худо. Были предметы любимые, как история и словесность, но к остальным он особого интереса не питал. Самое же главное было то, что здесь помимо гимназии началось самостоятельное культурное развитие благодаря хорошему товариществу, окружившему его {...}. Уже в 5-ом классе у них начали складываться „свои убеждения”. Белинский и Добролюбов в этих „убеждениях” играл(и) большую роль. Твердым основанием в этих „убеждениях” была „честность” и сердечность, с которыми и выходил отец на жизненное поприще с „мученичеством за убеждения свои”.

Уже он перешел в 6-ой класс, уже мечтал о выборе себе дороги по его склонностям и думал поступить в Медицинскую академию, стать врачом, приносить пользу обществу. Но тут случилось обстоятельство, расстроившее все его планы: источник средств, на который он обучался в гимназии, прекратился, умерла мать Жуковского, и мой отец должен был выйти из гимназии, не будучи в состоянии оплачивать своего учения.

К тому же и мать его Мария Ивановна за это время сильно подорвала свое здоровье и у нее появились признаки горловой чахотки. Отец должен был освободить мать от всяких работ и найти средства, обеспечивающие ее и себя. Он поступает тогда прямо со школьной скамьи в Государственный Банк.

Способный от природы он и на этом новом счетоводно-финансовом поприще сразу обращает на себя внимание. Заработок сперва малый начинает постепенно увеличиваться. Мать не наглядится, не нарадуется на своего сына-кормильца. (...) он везет ее на чистый воздух по Волге, думая тем подкрепить ее здоровье. Эта поездка мало принесла пользы больной мате-

ри. Горловая чахотка развивалась сильнее и наконец в 1868 году Мария Ивановна умирает.

Глубоко пережив потерю матери, отец мой начинает томиться чувством одиночества: ему было тогда под 30 лет.

В эту пору отец мой знакомится с матерью моей, тогда вдовою Косцова.

Мать моя Мария Петровна, урожденная Шалыгина, была купеческого происхождения. Отец ее Петр Федорович Шалыгин был женат на Аграфене Артемьевне Пановой. Жили они в Петербурге, родом же были из Галича Костромской губ.

П. Ф. Шалыгин был православно-государственного исповедания, а жена его Агриппина Артемьевна была „по старой вере” и толку „беспоповского” Федосеевского, очень сурового. У них было две дочери Александра и Мария (мать моя), обе православные.

П. Ф. Шалыгин был мягкий человек, но недалекий и плохой торговый делец. Жена его Агриппина напротив имела характер твердый, упористый, но поддающийся на ласку и привет.

Семейная жизнь их текла несчастливо.

Агриппина Арт(емьевна) все время хворала то той, то другой болезнью, дела не ладились и наконец пришли в полный упадок. Они занимались поставкой скота на убой.

Все эти невзгоды жена П. Ф. Шалыгина всецело приписывала наказанию за тот грех, что она, будучи сама по „старой вере”, вышла замуж за „щепотника” православного.

Мать моя, дочь Агрип(пины) Арт(емьевны), была отдана 10-ти лет в пансион Тюбо, что помещался на углу Екатерингофского и ул. Глинки в доме б. Буна. Там хорошо обучали французскому, русскому языку, арифметике и музыке. {...} обучение шло успешно, и она кончила пансион 16-ти лет.

Только вернулась она домой на вольное девичье житье, как уже стали родители искать ей жениха, с расчетом, чтоб тот своим состоянием поправил их дела.

Мама была очень красивая черноволосая девушка с кротко-ясными глазами и возбуждала к себе общую симпатию какой-то беззащитной невинностью. Что-то было в ней также от героини „Грозы” Островского (Екатерины).

В нее влюбился, встречая на улице как незнакомую, брат Достоевского Михаил и делал предложение, но был отвергнут родителями из экономически-практических соображений.

Родители мамы сами выбрали ей жениха из купцов Косцовых, молодого, но как-то старчески выглядевшего Михаила Косцова.

Он был „православный”, но происходил из староверческого рода Косцовых, которые в начале XIX столетия были известны своей „моленной”, знаменитой собранием древних икон: моленная помещалась где-то на Ивановской улице между Кабинечкой и Загородным.

Михаил Косцов, по портрету судя, был не пошлый и незаурядный человек, с задумчиво-печальными глазами и характерно красивыми чертами

лица, но какой-то старообразный и угреватый с непропорционально большой головой.

Мать моя, еще почти девочка, ничего не видевшая, только что вышедшая из пансиона, в ужас приходила от такого жениха. Но родители рассуждали „стерпится-слюбится” и отпраздновали пышную свадьбу с факелами. Матери, идя под венец, от горя было не до этой пышности. „Я только плакала со страха”.³⁰

И началась супружеская жизнь.

И не знала мать моя, куда деть себя от тоски за таким немилым мужем. А он, видя, что искренне любимая им жена не любит его, сам стал тосковать и, тоскуя, запивать с горя.

Это еще больше возбуждало отвращение к нему у мамы. (...) Морально ей легче стало, когда через год родилась у нее первая дочь Клеопатра. Рождение ребенка утешило и утишило мамину тоску и дало цель жизни.

Но тут пошли новые невзгоды. Михаил Косцов все пил и стал прогорать в делах и хворать. Развилась чахотка от тоски, забот и выпивания. И окончательно разорившись, он через года два умер, в слезах прося прощения перед смертью у мамы, что невольно погубил молодые ее годы, умер, оставя семью без средств. (...)

Вскоре умирает и отец мамин Петр Шалыгин, и все остается на руках у Агрип(пины) Артем(ьевны). Тяжкое переживает это время мама с дочерью своей.

В ней участие принимают дальние родственники тоже из купцов — Яковлевы. (...) Василий Иванович Яковлев был широко развитой человек, очень оригинальный, добрый бесконечно и большой знаток книги. От отца досталась ему по наследству богатейшая библиотека старинных книг (...) и он продолжал следить за всем и пополнять ее. Впоследствии эта библиотека перед самой революцией была продана одному знатоку книг, перевезена в Москву и теперь занимает видное место в бывшем Румянцевском музее. (...)

В. И. Яковлев познакомился и близко подружился с моим отцом, когда они служили вместе в конторе Государственного Банка. (...)

Нужно сказать, что отец мой выйдя из гимназии с 6-го класса и поступив на службу в банк, не оставлял своего самообразования, но все более и более развивал и расширял его чтением книг и беседами с культурными товарищами. В конторе образовался в своем роде кружок, в котором деятельное участие принимал Яковлев, мой отец, некий Молоков, Кормильцев (большой музыкант) и И. Ф. Досс (известный финансист и музыкант).

Отец мой служба находил время готовиться к экзамену на звание „домашнего учителя” и экзамен сдал превосходно. (...)

Вскоре В. И. Яковлев оставил государственную службу и открыл „Русскую книжную торговлю”, магазин на Невском.

В этой „русской книжной торговле” издавал первый детский серьезный журнал „Детское чтение” под редакцией Острогорского.

³⁰ Неточная цитата из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (глава третья, строфа XVIII).

По выходе из Банка Яковлев не порывал связи с отцом.

И отец мой у него на вечерах встречаться стал с Марией Петровной, моей матерью.

В. И. Яковлев, заметя взаимную симпатию их, устраивал им возможно частые свидания. И отец мой год спустя после смерти матери женился на Марии Петровне. <...>

Началась жизнь вначале очень содержательная, езда по театрам, счастливое настроение молодых, общий лад, достаток на то время средств.

Но через год начались погодные роды и болезни и умирание детей, и новые роды. <...>

К тому же служба в Банке требовала ежегодные месячные отъезды на ревизию; особенно долгую отлучку пришлось перенести отцу при ревизии контор Банка в Сибири. Это длилось почти полгода. Железн(ой) дороги в Сибири не было еще, и отцу приходилось переезды в тысячу верст до Красноярска делать на лошадях с риском в сибирских лесах быть убиту и ограблену.

Отцу охотно поручали подобные предприятия, зная его убежденную „честность” не за страх, а за совесть. Эти ревизии оплачивались, должно быть, хорошо, но они совершенно расстраивали семейный уклад, принося много волнений во время разлуки и беспокойств друг за друга» (ИРЛИ. Коллекция М. С. Лесмана).

В это время И. Ф. Досс предложил П. А. Иванову перейти в новый Волжско-Камский коммерческий Банк.

«Отец в правлении банка занял по рекомендации Досса выгодное место, но так как он нес в себе как меч свою „честность”, то увидел разные пройдошества со стороны правления с акционерами, отец мой не постеснялся на общем собрании изобличить их перед собранием.

За что вооружил против себя всех заправил, и сразу его, что называется, „выперли” из правления, разжаловав в совет: где он стал получать вдвое меньше и повременно, в зависимости от количества заседаний.

Это обстоятельство и то, что приятель его Досс встал на сторону противников отца, страшно подействовало на отца и изменило его характер. Он стал подозрителен, недоверчиво относясь вообще к людям и к самому Банку, в котором особенно больно было ему все-таки ради семьи оставаться в эт(ой) среде, потому что другого выхода не было. <...>

Итак, поступление в Вол(жско-)Камск(ий) Банк с одной стороны улучшило его материальное положение, а с другой стороны повредило его здоровью, рас(с)троило семейное спокойствие, сделав его нелюдимым, подозрительным. И в конце концов преждевременно свело его в могилу. <...>

Это мученичество нес он ради нас, ради семьи своей, которой отдавал себя беззаветно. <...>

Вот почти с моментом поступления отца на частную службу в Банке совпало время и моего рождения, с которого я начал свою автобиографию» (ИРЛИ. Коллекция М. С. Лесмана).

Иванов запомнил своего отца угрюмым, замкнутым человеком. Довольно мрачно выглядела и квартира на Разъезжей, в которой прошло его детство. Темные комнаты, постоянный шум с улицы (Иванов посвятил несколько страниц одного из вариантов автобиографии только описанию шума от ломовых извозчиков), окно во двор. С этим окном связано первое зрительное впечатление младенчества, которое можно прочесть в «мистическом» ключе.

«Помню окно, тусклый свет серого дня и на подоконнике голубь или несколько голубей <...>. Меня кто-то держит на руках, и я вижу голубей.

Мне потом говорила наша кухарка Матрена о том, как она носила меня на руках, утешая, когда меня отняли от груди мамки. Я все плакал и томился, и вот она поднесла меня к окну, и я увидел голубей, и утих и улыбнулся. Неужели это врезалось так в памяти моей? Или это в памяти сложилось потом по рассказам?» (ИРЛИ. Коллекция М. С. Лесмана).

Несмотря на суровость и мрачность отца, дети чувствовали его любовь. «Память о Папе, его ласка и подарки: мы с ним одни. Он дарит складные картинки и „золотой“, и кубики, где волк и семеро козлят. <...>

Я долго бьюсь с одной картинкой и не могу приладить. Папа говорит: „вот так надо“, помогает <т> мне, но я недоволен, что не сам добил <я> и папа, поняв меня, говорит: „ну дела <й>, делай сам как лучше“ и доволен, что я сам хочу».

Сразу за этим следует горькое признание: «Эту чуткость папы я тогда <а> ценю и люблю его да не нежно» (Там же). Нежно любил, конечно, маму.

С огромной болью Иванов вспоминал, как в последние, как оказалось, часы жизни, темным ноябрьским утром отец просил сыновей не ходить в гимназию, побыть с ним, а они все-таки ушли.

Общим местом является то, что обстановка, вещи, местоположение дома — все это глубоко влияет на формирование личности человека. В случае Иванова — это дом в конце Николаевской улицы (ныне ул. Марата), за Семеновским плацем, то есть почти «за городом», куда семья переехала после смерти отца. Мрачноваты места детских прогулок — полотно Николаевской железной дороги, Обводный канал. Вход в квартиру «под воротами», там за дверью маленькая лестница. Внутри очень тихо и довольно темно.

В воспоминаниях о Блоке Иванов оставил портрет своего дома:

«Каждая семья, если она действительно семья, имеет свой стиль, свой дух, свой воздух домовый.

Наша семья была семья в полном смысле этого слова, спаянная плотно и кровно до трагизма.

Первое впечатление — душновато, мрачновато и странно тихо.

Громко не говорят. Громоздкая мебель мягкая и не мягкая, поглощает звуки в своей молчаливой старинности.

Нет лоска и блеска, всего легко чистящегося и моющего. Полумрак всюду, кроме столовой и прихожей; полумрак от абажуров голубых и матовых настольных керосиновых ламп. Керосин предпочтен электричеству; хоть и не так культурно, но огонь живой — теплее и уютнее, чем мертвый электрический. Таков и склад семьи. В этой тихой, внешне душноватой и мрачноватой атмосфере таился редкий, даже для того времени, семейный дух.

Основа семейного единства, положенная еще при покойном отце, (...) своеобразно развилась под крылом матери нашей, под светом мерцающих из всех углов лампад пред большими иконами, унаследованными от бабушек, живших по старой вере» (Ед. хр. 81. Л. 22—23).

Главной комнатой была длинная столовая с венецианским окном и массивной лампой. «...Огромный буфет с часами в фронтоне наверху, привлекавший на себя общее внимание. Фронтон с часами, разукрашенный лежащей на нем тяжеловесной гирляндой деревянных фруктов(ов), походил на голову кумира, обремененную локонами кудрей. Эта голова вместе со всей массивной фигурой буфета напоминали громоздкое „идолище“ сидящего олимпийца Зевса в Эрмитаже.

Напротив же его, в углу у окна мирно теплилась лампада, висящая у огромного киота с Владимирской Богородицей. На ризе Ее мерцали то здесь, то там звезды самоцветных камней» (Там же. Л. 25).

Мебель из отцовского кабинета досталась впоследствии Евгению Павловичу. Его небольшая комната тоже была «темноватой, душноватой», в мемуарных текстах Иванова всегда помянут ровно гудящий над диваном в этой комнате вентилятор.

«Связь наша семейная была глубока до трагизма „библейского“ (тайное действие старинных икон)» (Там же. Л. 23). Действительно, это была семья, где все горячо привязаны друг другу, волновались и переживали за каждого до чрезмерности. Позднее возвраще-

ние из гостей могло стать причиной сердечного припадка мамы, а значит, событием трагичным. Трагизма прибавляла и тяжелая болезнь старшей сестры, Марии Павловны — бронхиальная астма, сделавшая эту красивую девушку почти затворницей.

Дети из таких семей часто с трудом создают собственные семьи. Легко отделился от «гнезда» средний брат Петр (ставший известным эмбриологом). Труднее было Александру Павловичу (юристу и искусствоведа). Ему «эмансипация» далась после очень большой борьбы с матерью и сестрами. Наверное, его не хотели «отпускать» потому, что после смерти отца он был старшим мужчиной в доме. Евгений Павлович женился только на тридцать седьмом году жизни. Клеопатра и Мария не вышли замуж.

Мы немного забежали вперед. Говоря о «формировании личности», нужно вернуться к гимназическим годам. В незавершенной автобиографии Иванов конспективно перечислил важнейшие моменты своего взросления. Рядом здесь помянуты такие вещи, как чтение («Война и мир», летом 1896 года), посещения Эрмитажа и — начало греха онанизма, с которым Иванову очень долго, до зрелых уже лет, придется бороться («Страсть за лето очень развилась», — вспоминал он). Чувства, которые он в тот период испытывает, совершенно противоречивы: «Боязнь Казн(и) Божи(ей)» и в то же время — «Идеологическое утвержден(ие) страстности» (ИРЛИ. Коллекция М. С. Лесмана).

Иванов вспоминал, что первое ощущение влюбленности он пережил в семь лет на балете «Фея кукол». Теперь, после периода сознательного отрицания «романтизма» и «аскетизма», избавление от этого отрицания приходит к нему тоже в театре: «Как вдруг событие. 20 февр(аля) 1897 г. увидел Коммиссаржевск(ую) в роли Розы „Боя бабочек” в Михайловс(ком) театре. „Она явилась и зажгла, как солнца луч среди ненастья”.³¹ (...) Образ. Глаза, голос стояли пред глазами. Мыс(ль) о знакомстве казалас(ь) мне кошунством. (...) Такой мозгляк.

Романтизм возник (снова)» (Там же).

Приходит не только романтизм (чтение Жуковского), но даже «культ В. С. Соловьева» (немного раньше, чем у Блока, заметим!).

Влюбленность помогала хоть как-то преодолевать то, что Иванов так хорошо назвал «обезьяньими наклонностями». В это время он,

³¹ Цитата из арии Гремина из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин».

как уже было сказано выше, начинает серьезно вести дневник, начинает рисовать масляными красками. Иванов посещает все спектакли с участием предмета своей первой любви, но чувство свое таит от всех, боясь даже «выкрикивать ее фамилию», чтобы не обратить на себя (невзрачного, как ему казалось) внимание и не оскорбить величия избранницы тем, что у нее может быть такой недостойный поклонник.³²

«...Когда я 16-летним подростком влюбился в человека, реально совершенно не знавшего меня всю жизнь, в В. Коммиссаржевскую, то купил почему-то острый финский нож. Им я резал на руке себе букву „В“, ту же букву на рукоятке ножа. В минуты, где требовалась неробость, я хватался за рукоять его и шел смело, хотя был трус изрядный. Но кроме того мне мечталось сразить этим ножом того, кто посмеет коснуться ее, не так как надо, оскорбительно. Ту(т) ревност(ь). Здесь на один шаг от Дон Кихота в кукольном театре. Но это глубоко связано с „первой любовью“ и по ней дорого мне.

Сам я себя считал самым невзрачным мозгляком и не смел участвовать в прославлении ее, чтоб не сказали „и этот тоже“ Квазимодо. В мече выливалось искание не только своего перерождения путем мучения (факирство в своем роде), но и выступление в мир с требованием о признании ее как несравненной.

Все учебники покрылись вензелем ВК и изображением битв, где на знаменах одной сторо(ны) стояла букв(а) В.

„Вера, любовью споспешествуема“³³...» (Ед. хр. 82. Л. 6—6 об.).

Это фрагмент из рукописи, названной «О П(ервой) Л(юбви)». Понятие «первой любви» Ивановым осмыслено, по Апокалипсису, как главная святыня всей жизни человека. Большую роль для него играло, конечно, и то, что Избранница носила имя Веры. Позднее Иванов написал несколько работ о вере (религиозной), о вере-жизни. В одном из набросков есть важное автобиографическое признание: «И было так. Один юноша, еще не знавший, что такое любовь, увидя на сцене извест(ную) артистк(у), имя которо(й) был(о) Вера, влюбил(я) в нее самую чистою Первою любовью. Юноша был гимназист 6—7 класса. Ита(к) гимназист, и ему приходилось зубрить по Закону Божию Катехизис с добавлени(ями), и скучное дело еще становило(сь) несно(снее), когда явля(лось) помехой свободным минутам, в которые он мог отдать(ся) мечтам о ней и

³² См.: Блоковский сборник. <1>. С. 369.

³³ Гал. 5: 6.

перенест⟨ись⟩ ⟨...⟩ на сце⟨ну⟩. Слыш⟨ать⟩ ее гол⟨ос⟩, вид⟨еть⟩ е⟨е⟩ глаза. Томи⟨лся⟩ он и радовал⟨ся⟩ ⟨...⟩.

Но экзамен приближ⟨ался⟩ ⟨...⟩. Но когда он чит⟨ал⟩ о Вере, вдруг как молн⟨ия⟩ пронзил⟨а⟩ его од⟨на⟩ мы⟨сль⟩. Какое странн⟨ое⟩ совпаден⟨ие⟩, что ⟨...⟩ без Веры невозможно угодит⟨ь⟩ Богу. ⟨...⟩

И ему стало понятн⟨о⟩, что любовь и Вера одно. И что ⟨...⟩ надо дела⟨ть⟩ добро...» (Ед. хр. 41. Л. 41—42).

Значительную роль в формировании сознания и вкусов Евгения Павловича сыграл его старший брат Александр. В 1936 году Иванов написал о нем: «Саша был центром и ⟨...⟩ главой нашей культуры» (ИРЛИ. Коллекция М. С. Лесмана).

В письме к гимназическому другу Николаю Бакланову Иванов признавался (приводим по черновику, в дневниковой записи от 4 июня 1902 года): «Да, мы вместе плывем со своим старшим братом. И это так радостно мне, и прямо иногда необходимо. Это поддержка и надежда. Ведь ты знаешь моего Сашу, это прямо замечательный человек по уму и образованности (как не хорошо хва⟨лить⟩ брата). Я же образова⟨нием⟩ своим, да и умом похваст⟨ать⟩ не могу. Мне прямо кажется иногда, что кто-то входит в меня и начинает за меня говорить. До такой степени я прямо не узнаю и не верю тому, что я сказал.

Да, я и брат вместе плывем, но в то же время, отправляясь, мы не знали, что поплывем вместе. Оба отправились в разные стороны.

Брат мой ведь прошел через все филосо⟨фские⟩ теч⟨ения⟩: Ка⟨нта⟩, Шел⟨линга⟩ ⟨...⟩ Гартмана и Нитче ⟨...⟩. И открывает такие мудрости здесь, что прямо поразительно. Я же собстве⟨нно⟩ совершеннейший профан в философии» (Ед. хр. 2. Л. 2).

Именно Александр привил почти всей семье Ивановых увлечение Р. Вагнером (сам он позднее написал статью о Вагнере).³⁴

³⁴ В 1936 г. Иванов вспоминал: «Значен⟨ие⟩ Вагнера огромно во всем мировоззрении. „Кольцо Нибелунгов” целое откровение по тексту и по музыке.

Разделение в семье на Вагнере. Привязанность к Италианско⟨й⟩ опере и ее манер⟨е⟩ пения — Клипы. Приверж⟨енность⟩ Вагнеру Мамы, Мани, Саши, Пети. — Увлечение Ершовым всей семь⟨и⟩ противоположном ув⟨лечению⟩ Мазини» (ИРЛИ. Коллекция М. С. Лесмана). Ивановы были постоянными владельцами вагнеровского абонеента в Мариинском театре.

Именно он, учившийся вместе с поэтом И. Коневским (Ореусом) и художником И. Я. Билибиным, открыл для брата «Мир Искусства» (и в прямом смысле слова, и только что возникший журнал, и одноименное художественное объединение).

«Я (...) слепо веруя, увлекал(ся) всем, ч(то) п(ечатал) М(ир) Иск(усства). (...) Две сферы. Религ(ия) и искусство (...)

Прежнее отношение к религии. Евангелие читали, но не (...) в глубину. Это был(о) с 1896 г. — с Верой. (...) Евангелие нас делало достойны(ми) Ее. Церковности преж(де) не было, не счи(тая) (...) молитвы и часовни (...). Путаница искусств(ва) и религии. Стремление выйти из эт(ой) путаницы (...) изучени(е) Археологии. (...) Эрмитаж. (...)

Лето (...) 1901 года. Чтение „Мир Божий“. „Воскресшие боги“ Мережковского и „Величайшая минута истории“ Розанова³⁵ (...). Книги шли в руки. Книги шли в руки и весь 1901 г.». «Во мне как из вулкан(а) потекла лава долго сдерживаем(ого) влечен(ия), сдерживаем(ого) рационализ(мом) обществ(енного) мнения. Стен(у) общест(венного) рационалис(тической) „трезвости“ Толстовского направлени(я) пробили Мережковский и Розанов. Лава потекла. Нитче. „Пан“ Кнута Гамсуна. Мир Иску(сства). Декаденты. Сопоставле(ние) мудрости Леонардо с мудростью наш(их) поклонни(ков) Церкви. (...) И в русло по(пали) рели(гиозные) собрания (...) Декадент(ская) и церковн(ая) мудрость сродни. (...) Иконописн(ый) отдел Русс(кого) Музея. (...)

Художн(ики) Сомов и Бакст увлекают иде(ей) нового вкуса. Моя чувственнос(ть) — и уклон к языке(скому) в христианстве (...)

Все кипело переоценкой ценности и не в одно(м) во мне (...)

Горящая вера в то, что „мы“ накануне чего-то огромного, готового вот, вот откроются в нас и мире, накануне какого-то откровения последнего и первого Слова, в котором все тайное станет явным и выразятся несказанные тайны сердец всех людей от создания мира — жила и билась во мне и пьянила мою жизнь.

Тут не было личной гордости, что это „мы“, но была радость и тревога ответственности, что это у нас, в нашем городе, в нашей

³⁵ Речь идет о статье Розанова, опубликованной в «Новом журнале иностранной литературы» (1900. № 10. С. 446—452) и впоследствии включенной в книгу «Из восточных мотивов» (1916).

стране. Лично себя я чувствовал в этом деле пигмеем, но радовался за тех, кто призван участвовать в этом откровении Нового слова, вечно нового» (ИРЛИ. Коллекция М. С. Лесмана).

В воспоминаниях о Блоке состояние, испытываемое в тот год, описано так: «Бездны открылись под ногами и жажда крыльев охватила дух...» (Ед. хр. 81. Л. 33).

В другом варианте воспоминаний передан один из разговоров с Мережковским в 1902 году: «Сознавая всю значительность брожения мыслей в это время и того нового, что увлекало меня тогда в поклонники всего, я скорбел, что мало кто понимает ценность всех этих новых мыслей и близкого „Нового Слова“, к которому так стремительно подходили теперь. Я говорил, что все наше впоследствии (ии) будет оценено каким-нибудь историком вроде скучного Иловайского не более как деятельность Гуманистов, подготовивших Церковь к реформации.

Но этого так казалось мало, хотелось не преобразования, а „преображения“ всей жизни» (ИРЛИ. Коллекция М. С. Лесмана).

Иванов был открыт для любого воздействия, в вопросах «духовных» — совершенный «чистый лист». Как это случилось? То, что принято называть «религиозными убеждениями», только начало складываться у него в ту самую пору «первой любви». Важно отметить, что из детства было вынесено только общее «религиозное настроение» (впрочем — с самыми важными навыками: к молитве и чтению Евангелия). В семье, может быть из соображений «веротерпимости» (ведь была еще жива бабушка староверка), церковная тема как-то обходилась стороной. (Влияли только, как отметил сам Иванов, сами древние иконы.)

«Помню, как молить(ся) нас учила Мама и один раз даже папа. Это было в каком-то из прошлых годов. В кабинете папы висел образ „Казанской Богородицы“, которым мать благословила его, умирая. Папу молящимся я никогда не видал. А тут вдруг он всех созвал, и хот(я) сам не молился, но серьезно строго стоял, и вся семья тоже, и кто-то читал молитвы, помилу(й) Господи папу, маму, и всех перечислял сестер и братьев, и о ком хочешь. Потом „Отче наш“. Я думаю, этим папа хотел пример от себя подать, но и потом при нас никогда не молился.

Мама же вечером в комнате у себя за драпировкой долго молилась по вечерам и утрам. В этом году позвала она и меня вечером

помолиться с нею. И горели так тихо лампадки: Маня сестра тут же была с нею, и мама все перечисляла святых, и все она и обо мне просила, и читала молитвы. Я очень запомнил ту вечернюю тишину и свет лампад, и общее строение душевное, какое-т(о) новое, тихое и особенное.

Но ни мама, ни особенн(о) папа в Церковь регулярно не ходили, разве толь(ко) в исключит(ельные) дни на Страст(ной) неделе, Пасху.

Ходила с нами в церковь Первой Гимназии, что на углу Ивановск(ой) и Кабинетск(ой) Клипа и мамка-нянька мо(я). Папа требовал для воспитания, чтобы мы по воскресения(м) бывали в церкви, но сам не ходил. Гимназисты стояли там за решеткой отдельно от других прихожан, и с ними стоял Саша. Я, значит, с ним вместе не мог стоять, а стоял с мамкой, которая(я) сзади нагибала мне голову, когда надо было кланяться и вставать на колена. Петя то же проделывал. Нам мамкин(ы) понукани(я) был(и) немножко досадны, а в то же время смешны. Потом стала ходить с нами больше Клипа. Она нежнее и тоньше обращалась с нами и умела уговорить, когда не очень-то хотелось в цер(к)ов(ь) идти. Приходили мы не к началу, а другой раз толь(ко) к середине обедни, чтобы не устать» (ИРЛИ. Коллекция М. С. Лесмана).

Уже в юности Иванов привыкает заходить в часовню на Кабинетской улице. Именно заходить — просто по пути «поставить свечку». И только.

* * *

Ко времени знакомства с «неохристианами» у Иванова был за плечами опыт глубокого изучения русского фольклора (по Буслаеву и Афанасьеву) и мистических сект, прежде всего хлыстовства (рискнем предложить, что не только по книгам). «Глав(ное) осно(вание) до Мережк(овского) и Розанов(а). Но из этого я кинулся им(енно) в Религ(иозную) сторону. (...) понял Бога (это самое трудное, что е(сть) на (свете?)) и пон(ял) Христа. Первое, куда я, „купаюсь в Мережк(овском)”, броси(лся), это был народный эпос. И уверяю тебя, чт(о) я и без Хлыстов (...) стал хлыстом, читая наши древ(ние) поэмы. Да(лее) шло исследование сект и расколов. И здесь я увидел пол(ное) подтвержде(ние) своим предпол(ожениям) о Боге тела и Боге духа» (Ед. хр. 2. Л. 2) (из письма к Н. Бакланову).

В одном из вариантов незавершенных воспоминаний о Блоке (ок. 1940 года) Иванов рассказал о круге своих интересов начала 1900-х годов:

«О чем же, бишь, я разглагольствовал?»

О Слове, о Слове Божьем, крепком и безсмертном, которое как ключ, открывающий и закрывающий бездны, откроет нам тайны Царства небесного и на земле, как на небе, откроет тайны, сокровенные в притчах жизни от создания мира. Мне верилось, что (вот! вот!) оно откроется: что уже близко его касаются Мережковский и Розанов, и еще миг — найдем это „всепобедное” слово, о котором можно как встарь сказать „слово мое крепко” — аминь.

Считая Мережковского и Розанова своими учителями, я сам старался докапываться до него, как до клада в „Иванову ночь”.

Слово, как таинственный корень-камень наших сказаний, являлось тем камнем, который отвергли строители, а он стал во главе угла³⁶ всего здания, познания.

Копался я и в „древнем благочестии” староверов, с которыми имел родственную связь по линии матери моей (бабушка была староверка федосеевского толка), копался я в так называемом „двоеверии” народного эпоса, который оживал в представлении сект „хлыстов-христов”, копался я и в культурном творчестве, в его искусстве литературы, живописи, музыки.

Скрытое, влекущее к себе с детства, таинственно любимое в Церкви, с детства же заглушаемое разумным сознанием взросло-го, вдруг открывалось и оживало в каком-то чудном новом свете от толков-толков с одной стороны „хлыстов”, с другой стороны, от „солярной” (т. е. солнечной) теории наших собирателей народного эпоса.

Эта „солярная теория” и доводилась у меня до конца, то есть до Христа (Солнце-Митра): Через раздвоение двоеверия к новому единению в новом озарении найденного слова, звучащего согласно до единой юты и черты со словом Евангелия правды.

На последнем проверялась подлинность истинности найденного слова.

(...)Теремом украшенно преображенным становится все кругом. Все бездушное оживает в духе. Солнце, звезды, месяц „смотрят, слышат, говорят”. Окно терема становится „оком неба” — Солнцем, солнце в небе становится оком Терема.

³⁶ Пс. 117: 22; Мф. 21: 42; Мк. 12: 12; Лк. 20: 17.

Лик солнца в лице человека, лик человека в лице солнца, и месяц, и звезды, и вся краса поднебесная — как „лики” человеческие и животные: и наоборот, лики человеческие и животные в лике звезд, месяца и солнца.

Потому и „хор” называется „ликом”, что пение преобразует вдохновением поющих в лик. <...>

И солнце восходящее плывет по волнам как золотой корабль, ладья.

Ладья на море и солнце с ладьи проповедает всем стоящим и проходящим по берегу. И рыбы и камни внемлют проповеди солнца на золотом челне: на его языке Франциск проповедует рыбам и камням, и они внемлют ему.

Или мы в поле, и солнце колос восходит из земли, это Христос колосится на поле, „хлеб жизни”; и в колосе, и в златом хлебе, огненной чаше солнца на горизонте, все Он, сущий на земле, сый на небесах, Сын человеческий» (Ед. хр. 86. Л. 27 об.—28).

Ранней весной 1902 года Иванов решил написать письмо Розанову. Сохранилось два черновых варианта (Ед. хр. 48. Л. 1—2 об.). Писал он не просто как восторженный поклонник (в первом варианте письма он даже назвал Розанова «мой дорогой „раввунни”»), но как человек, могущий и советовать. Он указал «посланному Богом учителю» на древние статуэтки Афродиты, кормящей Эрота, которые отыскал в Эрмитаже. Розанов сразу же ответил, пригласив студента Иванова посетить его в ближайшее воскресенье (день собраний у Розанова на Шпалерной). Можно представить, как согрели Иванова слова: «...очевидно мы найдем о многом поговорить» (Ед. хр. 89. Л. 1). День 17 марта 1902 года словно разделил жизнь Иванова на две части. Этот день подарил ему еще одно неожиданное и важное знакомство — с четой Мережковских. Иванов в тот вечер впервые «заговорил» (он считал, что прямо по воле Божией) как призванный, почти как пророк. Мэтры и «прочие гости» слушали, некоторые из них протестовали. «Ах, оставьте, это все хлыстовство!» — жеманно восклицала З. Гиппиус.

«Я до такой степени был все время уверен, что и друг(ие), г(лавное) М(ережковский) и Р(озанов), так и понимают все, что к(огда) был в перв(ый) раз у Розан(ова) <...> не сомневаясь говорил о хлыстов(стве), проходящем через весь наш эпос.

Тогда Мер(ежковский) за(метил): „как глубоко пон(имает) он русс(кий) народ”, но почему-то телу (?) отказыв(аться) от хлыстовства. Тоже очень, когда я сказ(ал) брату и по(казал), как я по-

нимаю Христа, то он сперва не согласи(лся), а потом сказал, что отлично сам знает о стихийном проявлении Христа. Одн(им) слов(ом), так(ой) умн(ый) брат и не говор(ит), что это абсурд. Всего замечательнее то, что брат мой, исследуя текст и музыку му(зыкальных) дра(м) Вагнера, а я углубился в наш народ(ный) эпос и наш(и) секты, сошлись тепер(ь) таким изумительным образом, что прямо удивительно. Отправляяс(ь), мы совсем эт(ого) и не предполагали, а теперь вдруг иде(м) вместе. Вот об этой объеда(няющей) основе я и писал Розанову (...). Пуще все(го) боюсь я, что меня примут за зазнавше(гося) хама. Это мен(я) по време(нам) так смущает, что [предложение не дописано].

Но право же, я тут себе ничего не приписываю. Пусть они примут(т) ее, то есть эту идею. Хотя бы призн(ают), что сами об ней раньше сказали, я же об этом все время и говорю им. Или если я так противен, то пусть познакомятся с братом мои(м), он такой симпатичный, и от него примут ее. Но я христианин, для меня вопросы, которых я косн(улся), так важны, зад(евают) жизн(ь), я не отрывался от Церкви, я с нею сросшись и, чтобы понять и прийти к таким выводам, мне надо же было мучиться. Надо было понять Христа и полюбить Бога. Я научился этом(у) у них. Почему они не примут(ают). Со времени писа(ния) я о многом переменял мнение. Да теперь я вижу, что окно в белую ночь, отражающее зарю и солнце, еще не есть само по себе(е) солнце. Я убедил(ся), что не Межержков(ский), ни Розанов, свидетельствуя о свете истин(ном), еще не необходим(о) должн(ы) быть в это время Христом. „Иоанн не был сам свет, но он свидетельствовал об свете“.³⁷ Да это все только предтечи. Но они бывают и христами ли(шь) тогда, когда их захватывает свет весь и дух и тело.* Кл(янусь), бог духа и бог тела одно. Там они подле Христа. Но Христ(ос) еще в мире разорван, мир так грешен. И в мире только чередуется Антихри(ст) и Христос. Христос разорвал Антихриста. Царствие же Бож(ие) на Земле будет, когда ос(танется) один Христос (...).

С 17 марта прош(ло) 2 с лиш(ним) месяца, но мне каж(ется), что прош(ла) це(лая) вечность. Ты помн(ишь) меня в гимназии. Меня, ты знаешь, считают зубрилой глуповатым и туповатым, но,

³⁷ Ин. 1: 8.

* «Не я свидетельствую о себе, говори(т) Христос, и не др(угой) кто, но дела, которы(е) Я творю, свидетел(ьствуют), что я посл(ан) Отцем».

впрочем, добрым. И вот тепер(ь) вдруг я безобразн(ый) утенок («безобр(азный) утенок» сказк(а) Андерс(ена)) попадаю отче(го-то) в стаю лебедей. Я готов был крикнуть(ь): убейте меня, ибо и от лебедей смерть при(нять) отрадно. (...)

Одн(им) сл(овом), Иван-дурачок. (...) Ты знаешь, это слов(о) Роза(нова) — его вообще обращени(е). А заод(но) и Мережковск(ого). З(инаида) Н(иколаевна) заявила, что „вы, конечно, стихи пише(те)“, и др(угие) тоже и даже несколь(ко) раз. (...) Это не зарывание, нет, это только пополнение того прямо униженного полож(ения) сил, в котор(ом) я себя считал» (Письмо к Н. Бакланову. Ед. хр. 2. Л. 2—6).

Стихи Евгений Павлович, «конечно, писал». Однажды он решил прочитать несколько стихотворений Мережковскому и горько раскаивался в тот же день.³⁸ А. Блок вскоре после знакомства с ним тоже спросил о стихах. Иванов, смущаясь, прочитал стихотворение о соснах. Мистическое и «непонятное», как ему казалось.

Уходили сосны в небо ночное
Замирая в неге под лобзанием месяца,
От него ревнивые меня заслоняли
На землю длинные тени бросали.
(Ед. хр. 40. Л. 30 об.)

«Что же тут непонятного?» — спросил Блок. Эти слова совершенно «убили» Иванова, приведя его к сознанию собственной поэтической бездарности. Однако к стихам он иногда все же обращался. Забегая несколько вперед, приведем образчики его поэтических текстов 1910-х годов.³⁹ Они не имеют художественной ценности, но важны как «штрихи к портрету» нашего героя.

Душа моя полна тоскою,
Любви завет;
Ручей журчит под ледяной корою
Весны привет!

³⁸ Дневниковая запись от 21 декабря 1903 г. (Ед. хр. 5. Л. 44 об.).

³⁹ Еще летом 1909 г. к Иванову вернулась жажда стихотворчества. Об этом 7 сентября он писал Блоку: «Жажда прямо писать стихами, рифма даже вертится на языке, но плохо с рифмой у меня» (Памятники культуры. С. 116). В этом же письме целиком приведено одно из стихотворений.

Все очаровано сияньем лунным, —
Восторг немой!
И свет таинственный звучит аккордом струнным,
Ты вновь со мной!

«Долина роз» под снежной пеленою...
О, белизна!
За ней нездешнею свечою
Горит звезда.

С вершин деревьев сбегает тени
На снежный дол и холм,
И сад в волшебном сновиденьи
Дыханьем лунным полн.

Чу, слышу рога зык призывный
Звучит вдали,
Иль это светоч ночи дивный
Рождает чудо-сны.

На зов его войдем в чертоги
Нездешних царств,
Переступив через пороги
Людских лукавств.

Со мной ты, светлое Виденье
Святой любви,
Свечой возженное томленье
Свечой Звезды.

(Ед. хр. 41. Л. 107 об.)

Надо заметить, что Иванов писал только «серьезные» стихи. Большой частью, они могут быть отнесены к духовной лирике. Одно из таких стихотворений (в дневнике от 24 августа 1910 года) весьма напоминает гимны евангельских христиан (в это время, кстати, Иванов как раз сотрудничал в баптистской газете):

Не по Тебе ль мое томленье,
Не по Тебе ль моя тоска,
Но тяготеет искушенье,
К Тебе дорога нелегка.
Так, истины Твоей исканье
Ведет чрез тесные врата,
Где в муке светит оправданье
Окровавленного Креста.

Разодран туч тяжелый полог!
Как в небесах горит рассвет!
Уж близок Ты! Наш путь недолго!
Воскресну! — слышится привет.

(Ед. хр. 26. Л. 16 об.)

Гораздо интереснее короткие стихотворные записи, разбросанные в дневнике. Так, среди записей к статье об одиночестве (31 августа 1909 года) появляется такой «голос» человеческой души:

Забудем бездны,
Забудем крылья.
Душа в бессилье
Покоя ищет
И не находит.
Как бесноватый
Мой дух распятый
Взывает к Богу:
Не мучь меня.

(Ед. хр. 24. Л. 12)

Бывает и так, что дневниковая запись переплавляется в поэтические строки:

«Какая-то бесконечная, безотрадн(ая) такая тоска, така(я) бесконечна(я) к(ак) пустыня и т(акая) безотрадная.

Все кажется, вот лягу и что-нибудь во сне найду или вот пойду и на улице встречу.

Но ложусь и никого не обретаю во сне. Иду и никого не встречаю. Трудно мне, Господи!! В тесноту вошла душа моя и не знает исхода себе.

Тоску мою развей,
О легкий пламень живых огней,
Слезой прожги
Тяжелый камень
Души моей».

(Ед. хр. 25. Л. 4 об.—5;
запись от 22 ноября 1909 года).

* * *

С 1902 года окрыленный успехом своих «выступлений» у Розанова и Мережковских Иванов начал писать на религиозные темы. Первая работа, созданная в виде письма к Д. В. Filosoфoву, была

отвергнута, и дебютом Иванова в «Новом пути» стала статья «К „спящим от печали“», помещенная в разделе «Из частной переписки».⁴⁰

В то время Иванов был безраздельно предан Мережковскому (называл его «христом»), верил в великую миссию журнала «Новый путь»: «Какие цели „Нов(ого) Пути“. Готовить путь Весне утраченной, теперь на крыльях птиц идет она на землю. Вот отчего сиреневая обложка. Молодость, молодость новая с новой жаждой жить⁴¹» (Ед. хр. 6. Л. 1; 14 марта 1904 года, черновик предполагаемой «речи» в честь журнала).⁴²

Потом наступило время сомнений. Когда в 1905 году Мережковские собирались в Париж, Иванов вспомнил евангельскую притчу: «А Мережковские бежать хотят в Париж (...) А наемник бежит и нерадит об овцах⁴³» (запись от 10 апреля 1905 года; Ед. хр. 13. Л. 15 об.). Но вот в октябре того же 1905 года он записывает о Мережковском: «Он очень хороший, очень хороший» (Ед. хр. 15. Л. 65). (Это после того как сначала Иванова не приняли, а потом Мережковский выскочил на лестницу и позвал его.)

Это были естественные колебания в личном отношении, а спорить, возражать наш герой начал практически сразу. Предмет спора — отношение к Церкви (той, которую Мережковские называли «исторической»). Впрочем, преобладала все же «идейная подчиненность» Мережковским. Есть, например, запись в дневнике от 17 января 1905 года о кощунственности причащения без веры, главное в этой записи — слова об ожидании «грядущей» Церкви. Вот так туманно он мыслил тогда. В статье «Демон и Церковь» (1906) совершенно в духе идей Мережковских проповедуется рождение «Иоанновской Церкви». Вообще, лето 1906 года — это пик «мережковщины» в отношении к Церкви у Иванова. Есть страшная запись в дневнике о том, что из «Старой Церкви» бегут, как «крысы с тону-

⁴⁰ Новый путь. 1903. № 10. С. 170—173. Используя евангельский образ, «спящими от печали» Иванов называет современных христиан.

⁴¹ Возможно, цитата, источник которой установить не удалось.

⁴² Ср. с записью от 5 марта 1904 г., явно «с голоса» Мережковского: «Мы только предтечи кого-то Вели(ого) сияющ(его). Правда путь нами уготовливае(тся) для него, что идя по краю пропаст(и) и по превраща(ющейся) в [одна буква недописанная] тропинке, мы исследуем пути» (Ед. хр. 5. Л. 72).

⁴³ Ин. 10: 13.

шего корабля». Дальше расхождение возобновляется с новой силой. 22 июня 1908 года в дневнике появляется такое размышление о Мережковском: «Мне кажется, чтоб понимать Мережк(овского), нужно его ненавидеть, ненавидеть за то, что он, говоря о тайнах из тайн, не делает, говорит и не делает. И имеет ли право говорить о тайне человек, который говорит и не делает, не отталкивает ли он от Того, о Ком он говорит, и именно потому, что он говорит» (Ед. хр. 21. Л. 124).

В отношении к Розанову прослеживается сходная картина: сначала безоговорочное преклонение, но вскоре Иванов начинает спорить, а 10 апреля 1905 года даже «констатирует» «начало заката Розанова». ⁴⁴ 12 апреля Иванов пишет в дневнике: «У Розанова точка зрения исключительно половая. Взят пол как основа жизни. Пол и желание, жажда его, искл(ючительно) его как столп и хранен(ие) истины ⁴⁵ взят. (...) вопли пола...» (Там же. Л. 21 об.). 15 октября 1910 года после разговора с Розановым он запишет: «Розанов слышит то(лько) себя и свое» (Ед. хр. 26. Л. 43).

В 1900-е годы Иванов активно искал «наставника». Понятно, что ему хотелось обратиться к какому-нибудь авторитетному духовному лицу. ⁴⁶ «Новопутейцы» отправили его к «своему» — к епископу Нарвскому Антонину (Грановскому), будущему главе Союза церковного обновления. 28 сентября 1903 года Иванов посетил его в Лавре и решил задать свои «острые» вопросы. Епископ посоветовал изложить их в письме. Из черновика письма, сохранившегося в дневнике, выделим два вопроса: «Смер(ть) и страдани(е) (...) Ка(к) совм(естить) бессмерт(ие) со смер(тью) Бога?» (Ед. хр. 4. Л. 99). Целую неделю Иванов писал это письмо. К сожалению, об ответе нам ничего неизвестно. Отношения не сложились. Интересно, что о епископе Антонине Иванов отзывался как о фигуре «трагической».

По совету А. В. Карташева, 15 октября Иванов посещает епископа Финляндского Сергия (Страгородского), тогда, как и Антонин, участника Религиозно-философских собраний. Весьма знаме-

⁴⁴ «Могу засвидетельствовать начало заката Розанова. (...) в понимании смуты и боязни в смуте» (Ед. хр. 13. Л. 15 об.).

⁴⁵ Аллюзия на 1 Тим. 3: 15.

⁴⁶ При этом характерно, что когда, например, в доме должен был слушаться молебен, Иванов пространно рассуждал в дневнике — стоит или не стоит ему выходить к этому молебну. Скрепя сердце вышел.

нательна сделанная в тот день запись, кратко передающая содержание беседы с будущим патриархом:

«У Сергия.

Он хочет низве(сти) человечество и Христа к плоти и проводит паралл(ель) между душою человека и плотью челове(ка).

Есть человек плотск(ой) и не душе(вный).

Так и Бог был соединен (с) человеком во Христе. Но ведь эт(о) соверш(енно) не правильно. Ведь есть челове(ческая) душа и чело(веческое) тело, и в эту чел(овеческую) п(лоть) и душу воплот(л)ся).

И пот(ом) явная ересь о „Агнце раздел(яемом), раздробл(яемом)” (….) сказал, что это до того, как перевоплощени(е) совершилось.

Признался, что Отец, отдавая Сына, скорбел. Но как Бог не способен.

Все в церкви творится в воспоминание Христ(а), Его страдан(ий) и воскресе(ния).

Метафорой назвал. Это наз(вание) прямо гениально! Как в литературе духовной все краси(вые) образн(ые) выражени(я) только(о) метафоры, так и тут. О мертвечина!» (Ед. хр. 4. Л. 112—113).

Сразу после этого горького возгласа у Иванова вырывается такое признание: «Как безко(нечно) (мы) должны бла(годарить) Бога, пославшего Мережковского и Розанова».⁴⁷

Поиски наставника приводят Иванова на тупиковый путь. Довольно долго тянулась темная история с неким монахом (иеромонахом?) Гавриилом, выходцем с Афона. «Служит без прихода Церкви», — сказано о нем в дневнике (запись от 25 августа 1906 года; Ед. хр. 18. Л. 32). Гавриил совершал службы на дому (дом, между прочим, слыл в Царском Селе за хлыстовский).⁴⁸ Долго не при-

⁴⁷ Последствием этой поразившей Иванова встречи стало появление записей о «тайне святого преодоления»: «Чаша грязная. Кошунствен(но) ста(ло) причащ(аться) в ней. Но вот когд(а) нет другой, то совершу.

Хлеб предложения кошун(ственным) стал, но когд(а) Царь взалкал — ел» (Ед. хр. 4. Л. 116 об.—117). Он словно уговаривает себя — других пастырей нет, надо оставаться с этими.

⁴⁸ Хочется выразить особую радость о том, что А. Эткинду не был известен этот факт (как и весь вообще «ивановский текст», за исключением того небольшого, что опубликовано Д. Е. Максимовым), иначе Евгений Павлович, несомненно, стал бы одним из центральных персонажей книги «Хлыст».

чащавшийся Иванов решает, что он должен «принять Тайны» только от Гавриила. (Отношение к этому человеку поначалу носило у него крайне экзальтированный характер.) «Причащение» совершается (в нем участвовала и сестра Маня). Но очень скоро Иванов понимает, что он зашел «не туда», и отходит от этого деятеля.

* * *

Называя Иванова не просто мистиком, но мистиком «петербургским», я хотела подчеркнуть, что он является одним из творцов Петербургского мифа. Единственное сколько-нибудь известное произведение Иванова — это эссе «Всадник. Нечто о городе Петербурге», впервые опубликованное в альманахе «Белые ночи» (1907).⁴⁹ Небольшой текст, над которым автор трудился несколько лет (с 1904 года, а «брехал» Медным Всадником еще намного раньше), получился темным, «закрытым», можно сказать, для всех, кроме самого автора и немногих посвященных (вроде Блока или Л. Семенова);⁵⁰ может быть, поэтому Иванов не оставил тему «столицы Всадника» и среди его замыслов позднее появлялись и драма (в манере лирических драм Блока), и повесть, развивающие пушкинский Петербургский миф.

В 1904 году Иванов открывает для себя Морской канал. Его страстью становятся прогулки на кораблике в штормовую погоду, когда волны почти захлестывают палубу. На море, в ветре, в буре ему видится Христос. Образ Христа у Иванова становится теснейшим образом связан с петербургскими впечатлениями.

«Морской канал. Узнал Христа, идущего с моря по водам в морском вихре, всего обрызганного морскою соленою водою.

Я желал бы быть этой солью волн, возбуждающих жажду и алканье о Боге.

С детства прислушив(ался) я к говору волн. О чем говорит море с волн, набегая(щих) на брег. Они говорят неведомое открытие.

Море буро-синее, охваченное голубоватою лентой берегов(х) лесов» (запись от 24 апреля 1904 года, в редакции 1940 года; Ед. хр. 40. Л. 45 об.).

⁴⁹ См.: *Осват А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальную повесть сохранить...». 2-е изд. М., 1987. С. 194—198.

⁵⁰ Мережковский в декабре 1904 г. отверг первый вариант этого произведения именно из-за «невнятности» высказанного.

Тогда же в дневнике появляется формула: «Христос, грядущий с моря» и «Грядущий из бури с моря». Дальше Иванов связывает ее с темой революции. Крупное наводнение 1904 года видится ему позднее как предвестие «наводнения народного» — революции.

«29 апр(еля). Лежал на берегу порт(а) (Морс(кой) канал), слышал, как за лесом Голос моря.

Омывающий ночи вал, как Христос, омывающий ноги Иуде. Воля Божия охватыва(ет), как море и небо, все.

30 апр(еля). „Грядущие” волны» (Там же. Л. 46).

13 июня: «Опять о море. О воле Божией. Скидывайте одежды райские, свидете(ли) жаждут (?) тело. Царство Божие здесь. Идет с мо(ря). Всадник на нем.

Море яснее в буре, как человек в вдохновеньи» (Там же. Л. 53).

Сравните, как все это отразится в финале этюда «Всадник. Нечто о городе Петербурге»: «...я верю (...) что грядет с моря какая-то неведомая буря-наводнение, и ее первая встретит Блудница⁵¹ с двумя одержимыми⁵² всадниками на берегу.

„И наведет Господь воды реки бурные и большие; и поднимется она во всех протоках своих и выступит из всех берегов своих... и распростертие крыльев ее будет во всю широту земли твоей, Еммануил!” (Исаия, 8 гл.; 7—8 ст.).

Имя же последней Бури — Мария Дева, чреватая Христом, грядущим с моря, и сковал Всадника „железный сон” и во сне ему как Иосифу сказано: „не бойся принять Марию-Бурю, ибо родившееся в ней есть от Духа Святаго”.⁵³

И, встретив бурю Марию, проснется Всадник.

Тогда уж пройдет оглушенность шумом внутренним тревоги и уже Всадник Медный не будет гоняться за взглядевшимся в него „Бледным” Евгением.

Но прежде должно быть то, что есть, и Всадники должны породниться.

И как двое бесноватых у моря вышли навстречу к грядущему с моря Христу и исцелились, так и двое всадников наших выйдут к морю навстречу Ему, грядущему в буре с моря.

⁵¹ Петербург для Иванова — апокалиптическая «блудница, сидящая на водах многих».

⁵² Иванов использует образ двух бесноватых в стране Гергесинской (Мф. 8: 28).

⁵³ Парафраз на Мф. 1: 20.

И встанет резвое лицо, чаемое в резвом плеске весенне синих вод и резвом блеске синих небес и в резвом запахе петербургской воды и мокрой щепы». ⁵⁴

Если годы «первой любви» прошли у Иванова под знаком *Веры*, то теперь, во время завершения «Всадника...», священным именем стало имя *Мария*. История любви к Марии Михайловне Добролюбовой, к Деве-революции, — это еще один из немногих эпизодов жизни Иванова, более-менее известный, хотя бы специалистам по культуре Серебряного века. ⁵⁵ Инициалы М. Д. он расшифровывает как «Мария Дева» и действительно почти обожествляет прекрасную сестру милосердия. Ее образ, ее революционная настроенность и жертвенные подвиги (на русско-японской войне, «на голоде» в деревне и т. д.) приводят Иванова к приятию совершающейся «огненной бури». Но он не может принять насилия и террора, а Мария Добролюбова «Каляеву в ноги готова поклониться». ⁵⁶

Кровь «жертв 9 января» для Иванова — святая кровь. Пострадавшие видятся ему мучениками. При этом в дневнике от 9—12 января 1905 года он очень реалистично, подробно и не без иронии описывает, какие разрушения в городе оставила революционная толпа. Разрушения ужасны, но через несколько дней Иванов *жалеет*, что стихия схлынула так быстро и что — как после наводнения в «Медном Всаднике» — «В порядок прежний все вошло». ⁵⁷

* * *

В одной из ранних статей для «Нового пути» (рецензии на постановку в Александринском театре «Эдипа в Колоне») встречается понятие «нагорной радости», которым можно выразить суть евангельской проповеди Иванова.

«„Ей, гряди же, гряди, Господи! Еще язычникам Неведомый Страдалец-Бог, рушитель всех оков Проклятья!

⁵⁴ Белые ночи. СПб., 1907. С. 89—90.

⁵⁵ См., напр.: *Азадовский К. М.* Александр Блок и Мария Добролюбова // Блоковский сборник. VIII. Тарту, 1988.

⁵⁶ Блоковский сборник. <1>. С. 397.

⁵⁷ Все это очень похоже на ощущения Блока от Октябрьского переворота. С огосударствлением большевистской *стихии* от поэта уходит «музыка революции».

Грозная туча, буря небывалая надвигается в последний душный, сумеречный день. Вот налетела и грянула, раздрав мрачную завесу,⁵⁸ крестообразная молния Голгофы.

Блеснул из тучи меч „Всадника на белом коне” и сразил „зверя из бездны”...⁵⁹ Разрушил проклятие и дал благословение⁶⁰ Смиривший ночного Пса, зверя черного из бездны... И за разодранной завесой проклятия видим новое небо и новую землю,⁶¹ новые горы и долины.

Солнце взошло!..

И освобожденный, поднимается хор на гору, уже благословенную, выше, выше к „нагорной радости”...⁶²

В тетради с выписками из дневника 1906 года находим запись: «Чтоб Евангелие живо воспринималось, надо перевести его на родимый язык. Язык родного неба и земли, лесов, холмов и вод. В Палестине не тот же ли месяц восходит и на горизонте серп его, и не то же солнце сияло, что и у нас сияет, но у нас тот же месяц и солнце в иных красках, так и в душах Евангелие переводится на родной язык.

Прямо возведу вам об Отце без притчи. Языком новым в притчах природы» (Ед. хр. 40. Л. 285 об.).

За год до этого, летом 1905-го, на даче в Гатчинском уезде Иванов и сам пережил это откровение «в притчах природы». Дневниковая запись от 9 июня 1905 года содержит развернутые наброски под названием «Нагорная радость»:

«Что есть тайна Божия? Не все то Тайна, что таят. Тайна есть Богокасание. Видели <в> 6 час<ов> утра, росное утро, слезу росы в густой траве, блестящую, как камень самоцветный бездонной глубины. Вот тайна. Ибо Бога узрили те, кто Бога коснулись. И последняя тайна сокровенная от создания мира, есть тайна Богобрачия.⁶³ „Нагорная радость”.

Воскреснет мир в победившем проклятье мира Христе. Воскреснет мир пред Богом Отцем. И „сыны воскресения” будут отхо-

⁵⁸ Аллюзия на Мф. 27: 51; Мк. 15: 38; Лк. 23: 45.

⁵⁹ Аллюзия на Откр. 19: 11—21.

⁶⁰ Реминисценция из тропаря на Рождество Пресвятой Богородицы («...и разрушив клятву, даде благословение»).

⁶¹ Откр. 21: 1.

⁶² Новый путь. 1904. № 2. С. 258.

⁶³ Ср. в записи от 7 июня: «Последняя радость стать мужем Неба, девам стать женами Неба, последняя радость есть брачная радость. Нагорная радость» (Ед. хр. 14. Л. 43).

дить ко *Отцу* Небесному в обители Его и опять приходить в наш милый мир. Потому буди рождение и умирание. Но смерть уже не есть проклятие. „Восхожу ко *Отцу* Моему и *Отцу* Вашему, Богу Моему и Богу вашему”.⁶⁴

Мир ост(ается) миром со своим законом Неба и земли. (...) Но уже не могут умирать (проклятие), потому что суть „сыны воскресения” и вкусим Жизнь вечную. (...)

Сыны воскресения в мире живут и (...) в жертвах мира участвуют. Сами жерт(вы) и сами жертвы приносят, живя жизнью плоти. (...) И творят что все творят во Славу Божию. Цари Царства Божи(я). (...)

„Нагорная Радость” есть Воскресение. День последний Христов. (...)

В саду Гефсиманском Ночь. (...) И там уже сходит Нагорная радость Отца, познан(ного) Сыном брачно плотию и кровное, но еще не прославленное. (...)

Брак. Ночь, точно смерть, на смерть жених и невеста уходят из семьи. Та(к) нагорная радость. Так и уходят в ней к *Отцу*.

Почему радует нас всякое Богокасание через образа, даже иконы, через плоть земли, неба, солн(ца), звезд, хлеба и травы, зверей. Почему стремление это доходит до жажды Боголобзания, поче(му), потому ч(то) в радости Богокасан(ия) чужем Нагорную Радость Богобрачия, радо(сть), т(очно) в лобз(ании) Бога лобзаем Нагор(ную) Радость. (...)

Первое предчувс(твие) нагор(ной) радости в беременности. Когда мы во чреве своем почувство(вали), что имеем нечто от плоти и о(т) Духа.⁶⁵ „Чревная любовь к земле Карамазовых”.⁶⁶ Взыгралс(я) младенец радостно во чреве нашем.⁶⁷

Мария и Елизавета в Нагорной стране.

⁶⁴ Ин. 20: 17.

⁶⁵ В другой дневниковой записи Иванов даже скажет: «Надо забеременеть Евангелием, как Зиглинда Зигфридом». Ср. в записи, сделанной в Рождество 1904 г.: «Первая нагорная радост(ь) наша, когда пришла к нам Матер(ь) Божия, чреватая Богом, и у нас, встретивших Его, во чреве, как у Елизаветы, „взыгрался радостно младенец”, этот младенец есть Божие чаение» (Ед. хр. 10. Л. 38 об.).

⁶⁶ Аллюзия на роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (Ч. первая, кн. пятая, гл. III).

⁶⁷ Парафраз на Лк. 2: 44.

Два Лица, две горы у Нагорной Радости Христовой. Сион гора и Голгофа гора.

Радуйся Сион, гора превеликая.

Радуйся Голгофа гора, место лобное. <...>

Неизреченный вздох при виде ли открывш(егося) неба, при вид(е) жаворон(ка), поднимаю(шегося) ввысь с песней славы, ест(ь) вздох влюбленно(го) в Бога, ест(ь) вздох Тристана по Изольде, в котором выражено столько, что если б писать об этом, то и самому миру не вместить написанного.⁶⁸ <...>

Богобрачие. Нагорная радость. Вот отчего Розанов так увлек(ается) браком» (Ед. хр. 14. Л. 48 об.—53).⁶⁹

14 июня Иванов записал: «Сегодня на холмах с соснами за Выркой многое почувствовал. Небо безоблачное совершенно. Не очень жарко. Лазурное темноватое яйцо в темени неба и по бо(кам) голубизна горизон(та), где купают(ся) молоды(е) хол(мы?) сосны. Тиши(на), ветра нет. Месяц бледный на последнем ущербе наклонным серпом, как облачко проз(рачное), летит по небу высоко-высоко. Ласточки реш(ительно?) кидаясь в лазури. Солнце земл(ю) грее(т).

Я понял, что значит радость совершенная, которую Христос имеет в себе, радость от ощущения любви Отчей, что Бог Отец возлюбил нас. Если заповеди Христов(ы) соблюдаем, то возлюбит Отец.⁷⁰ <...>

Я так почувствовал, что за лазурь(ю) скрива(ется) Он, Бог воплощенный. Бог как Бог, Лицем к Лицу, что верую о зачатии Христа от брака Девы с Богом через Духа. <...> Так будет и в наших „нагорн<ых> радостях”.

И явлю(сь) ему Сам⁷¹ в солнце⁷²
(Там же. Л. 63—63 об.).

⁶⁸ Аллюзия на Ин. 21: 25.

⁶⁹ Ср. в записи от 8 сентября 1907 г.: «Конечно, полнота жизни есть в <...> радости последней. И цель жизни наш(ей) радость Сиона и радост(ь) Голгофы» (Ед. хр. 20. Л. 60).

⁷⁰ Аллюзия на Ин. 14: 21.

⁷¹ Ин. 14: 21.

⁷² Эти «явления Христа в солнце» были пережиты Ивановым еще летом 1904 г. Одна из записей (от 27 июня 1904 г.), развивающая тему на-

Разнообразные записи о нагорной радости пронизывают дневник той поры. Так, 30 января 1905 года написано: «Нагорная радость — храм на вершине горы. „Веселитесь и радуйтесь”.⁷³ Нагорн(ая) проповедь» (Ед. хр. 11. Л. 18). И на следующий день: «Что лежит в основе Нагорной пропо(веди). Благо с ег(о) радостью и веселием. От Блаж(енны) нищ(не) духом...⁷⁴

И не касается это нравст(венных) правил, а тол(ько) как благу приобшит(ь)ся, кто благу общается» (Там же. Л. 21 об.).

В записи от 24 марта Иванов найден новый образ: «У Марка чрезвычайно (так!) сильно выражен(ы) *Гора и Море*.

Нагорная радость. Радость Морская» (Там же. Л. 50).

Дети ближе всего к Нагорной Радости, и для носящего в себе эту детскость было естественнее всего стать детским писателем. В 1906 году П. С. Соловьева приглашает Иванова в свой журнал «Тропинка». Напечатанные здесь рассказы и сказки Иванова составили сборник «В лесу и дома» (1915).⁷⁵

Нельзя не отметить, что Иванов умел общаться и играть с детьми. Племянники и племянницы, а также их друзья просто обожали «дядю Женю».⁷⁶ С детьми и подростками он чувствовал себя, наверное, лучше всего.

горной радости в связи с толкованием чуда о насыщении пятью хлебами, даже заканчивается таким дерзновенным парафразом Иисусовой молитвы: «Ясное мое солнце, помилуй мя грешного» (Ед. хр. 7. Л. 34). Конечно, это обращение не к «небесному светилу», а ко Христу — Солнцу правды. Приехав в город, Иванов неосторожно проболтался об этих явлениях Г. И. Чулкову. «Вот оно первое признание о сам(ом) драгоценном. Ни брату, никому, а так под шумок из-за самолюбив(ого) хвастовства. Ну и ничего не вышл(о). Чулк(ов) говорит: признайтесь, это „игра в веру”. Я допустил, что и элем(ент) игры есть, но в этом я каюсь и за это себя презираю, тем и отличаюсь от вас, который хочет удовлетворить(ся) одной игрой в веру» (Там же. Л. 82 об.).

⁷³ Неточная цитата: Мф. 5: 12.

⁷⁴ Мф. 5: 3.

⁷⁵ Детские рассказы Иванова печатались некоторое время и в Советской России.

⁷⁶ Внучатый племянник Иванова, А. И. Плюшков (Угрюмов), ставший в эмиграции писателем, оставил воспоминания о своем дяде (*Угрюмов А. А. А. Блок и семья Ивановых // Русская мысль. 1956. № 887, 880, 890*).

Интересны размышления Иванова о «мистическом возрасте» человека — двенадцать лет. Источником их послужила евангельская история о воскрешении дочери Иаира. Свою вторую *Веру* (первой, напомним, была Вера Коммиссаржевская, теперь он называет ее *Prima Vera*) Иванов открыл в двенадцатилетней Веруне Дюковой, одной из этой ватаги двоюродных племянников. Постепенно она становится самой большой любовью Иванова. Брак из-за близкого родства был невозможен, да и прожила Веруня совсем мало — скончалась от чахотки.

* * *

Итак, первая «керигма» Иванова — это проповедь Нагорной радости. А ее обратная сторона — демонстрация того, что бывает, когда мир теряет эту радость «богокасания». Так второй важнейшей темой, занимающей Иванова, становится тема скуки («серой госпожи Карабос») и «томления душевной пустоты». ⁷⁷ Рядом с нею — темы автоматизма, зеркальности, маски. Последние не являются у него просто данью символистской культуре, много игравшей с «зеркалами и автоматами», Иванов открывает в них *тайну беззакония*.

Побывав в 1906 году на «башне» своего знаменитого однофамильца, Иванов видит сон («Приснился ад», — так сформулировано в дневнике), где посетители этого символистского салона оказываются куклами-пустышками, а на середине комнаты крутится с визгом и лязгом детский игрушечный поезд под навязчивую музыку. ⁷⁸ «Ад глушит их вечным грохотом», — цитирует Иванов некраковского «Власа». ⁷⁹ Куклы-автоматы (механическое движение, «подражание жизни» и открывающиеся за ним смертное оцепенение и пустота) страшат его. Он страшится «грядущего на вселенную» «нашествия автоматов» (а что сказал бы, например, о клонировании?) и видит в этом примету последних времен. «И последний великий Автомат будет сам Антихрист, который придет и возсядет на престоле славы, и соберутся к нему народы многие, и поклонятся ему как Владыке жизни Христу, и когда поклонятся, так вдруг всем ясно

⁷⁷ Часто используемая Ивановым реминисценция из романа Пушкина «Евгений Онегин».

⁷⁸ См. ниже размышления Иванова о «модных мотивчиках».

⁷⁹ Запись этого сна см.: Фетисенко О. Л. Из дневника «петербургского мистика» (Евгений Иванов и его эсхатологические воззрения) // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 281—283.

станет, что это Автомат», — таким апокалиптическим видением завершил Иванов новеллу «Зеркало и автомат» (Ед. хр. 81).⁸⁰

Хочется подчеркнуть актуальность многих размышлений Иванова и остроту его духовного зрения. Она проявилась, например, в отношении к «важнейшему из искусств».

Большим «киноманом», как известно, был Блок. Иванов вполне разделял его увлечение. Кинематограф пленял его как «остановленное мгновенье»,⁸¹ но у Иванова мы встретим такие размышле-

⁸⁰ Сохранился другой вариант окончания этой новеллы: «...и победит (народ) в паническом ужасе прочь, как животные, шарахаясь в сторону, бегут от трупа, ибо ведь Антихрист есть великий Автомат, великий Мертвец.

И как увидит он, что узнали его люди, расвирепееет в нем Дьявол и встанет с „Моисеева седалища“ своего, и бросится как зверь на народ, и начнет автоматически по головам, по темени, по чему попало бить, бить без устали, насмерть народ, и вопьется как пьявка, и не отвяжешься от него, не отлипнет. Последний ужас, последняя скорбь» (Ед. хр. 82. Л. 26). Ср. в еще одном наброске: «„Люди будут издыхать от страха в ожидании грядущих на вселенную“. Кто эти „грядущие“, как не автоматы, чертовы куклы, имя которым Смерть, „Последний враг“.

И вот, „на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи“, сели автоматы, „пустышки на месте святом“; и как во сне, когда человек-пустышка, — которого вы приняли за совершенного, перед которым душу свою до самых тайников ее изливали, возведя его как бы на „место святое“, — вдруг оказался пустышкой, автоматом отвратительным, как во сне, говорю я, вы, видя это, задыхаясь, издыхая от страха, кидаетесь бежать, куда глаза глядят, — так будет и в тот день пришествия, восшествия на место святое Автомата-пустышки. Об этом ужасе и бегстве в Евангел(ии) говорит(ся): „Когда увидите мерзость запустения, стоящую на месте святом (читающий да разумет), тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы“ (Матф. 24, 15, 16).

„Горе же беременным и питающим сосцами в те дни“, ибо „будущий и грядущий“ Автомат-пустышка, встав со своего Моисеева седалища, с места святого, будет мстить всему живущему, потому особенно рождающим и „беременным и питающим сосцами“, будет мстить, как зверь, кидаящийся на тех, кто в ужасе бежит от него, ибо имя ему, Автомату — Смерть!

„Тогда будет такая скорбь, какой не было от начала мира до ныне и не будет“» (Ед. хр. 41. Л. 162—161 об.).

⁸¹ 26 мая 1910 г. Иванов написал Блоку о понравившейся ему картине «Любовь моряка»: «Действующие лица — рыбачка лет 15—16 и моряк, которого она спасает из воды. Ничего подобного по красоте и хорошестьи я не видывал. Это остановленное мгновение навеки. „Остановись, мгновение, прекрасно ты“ (Фауст)» (Памятники культуры. С. 118).

ния, которых у Блока вовсе нет. Он, оказывается, смотрел много дальше. «Говорят, кинематограф своим мельканием страшно вредно влияет на глаза: а на глаза души еще вреднее. Жизнь кинематографил(ась), кажет(ся) представленьем лишь кинематограф(ическим) более или менее занятой» (22 января 1909 года; Ед. хр. 22. Л. 50). Ровно за год до этого сделана запись о жестокости в кинематографе, о привычке к жестокости и ее последствиях: «По поводу „скачек с несчастными случаями“ в Кинематографе. Я думаю, это сладострастие, переодевшееся состраданием. Но мне сейчас Л(юба) (Л. Д. Блок. — О. Ф.) сказала, что просто и она бы (...) что все-таки новенькое.

Вот до чего доходит наше стремление к новому, говорит Пушкин в своих письмах по поводу того успеха записок „палача“ ара (?), которые имели успех в его время.⁸² (...) Тут черным черно, оттого и публика такая — есть чернь, глазеющая на улице на все несчаст(я), на всякий скандал и глазеющ(ая) на казнь с удовольствием, кого бы не казнили, даже, пожалуй, чернь лучше той публики, которая в кинематографах любит(ся) несчастн(ыми) случаями. Чернь лучше потому, что у нее хватает определенности на то, чтоб видеть все это в жизни, тогда как кинематографическая публика смотрит лишь на отражение (...).

Боятся жизни и ходят потому в кинематографы. И когда, прививши в себя кинематограф, выйдут в жизнь, то не будут бояться жизни, ибо жизнь для них превратится в кинематографическое представление» (Ед. хр. 21. Л. 8—8 об.).

Интерес к кинематографу — от внутренней пустоты, томящей современного человека. «А для того люди развлекаются, чтобы не остат(ь)ся наедине лицом к лицу со своей „душевной пустотой“ ...» (4 ноября 1904 года; Ед. хр. 9. Л. 58).

Иванова сокрушает все более заметное отсутствие в мире тишины. Он написал об этом Блоку 20 июня 1908 года: «Как странно, что на тебя нехорошо действует тишина, „слишком сильная“, как ты пишешь.

Разве теперь есть где-нибудь тишина слишком сильная.

Как бы мне хотелось попасть в такую тишину. Ух! Опять начинаю подвывать, как старый пес».⁸³

⁸² Неточная цитата из рецензии Пушкина на книгу «Записки Самсона, парижского палача» (1830).

⁸³ Памятники культуры. С. 114.

В том же году, осенью, им была написана статья «Модные мотивчики». О ней мы знаем только из дневника (Мережковские, как обычно, взяли «подправить» — и следы статьи теряются).

Иванов начал эту статью 16 ноября 1908 года. «Мне бы хотелось сказать несколь(ко) слов о модных мотивчиках, которые точно носятся в воздухе подобно бациллам какой-нибу(дь) эпидемии, стараясь взорвать наш душевн(ый) организм и начать неотвязчиво вспоминать себя и напевать» (Ед. хр. 22. Л. 13). «Под ритм матчи(ша) и мод(ный) мотив, — замечает Иванов, — должно быть необычайн(о) просто пустит(ь) пулю в лоб» (Там же. Л. 14 об.). Нам, не знающим, куда скрыться от «попсы» и «русского шансона», особенно близки строки этой статьи: «Одним словом, где бы мы ни шли или куда бы ни вошли, всюду над вами или под вами в верхнем ли нижнем этаже ил(и) смежных комн(атах) всегда готов раздаться этот модны(й) мотивчик с определен(ным) смакованием н(а) определен(ном) своем колене; но нигде так он не приходится к месту, как в кинематографе.

Здесь к представляющей жизнь пустоте, к кинематографическ(ому) представлению изумительно идет пустая музыка модного мотивчика, ритмы вполне сходятся.

Здесь уж под напев мотивчика воочию видно, как сама скука скачет и пляшет на полотне. Это смех у мен(я) пустышки, может, это будет понятно, если я скажу, что скука ест(ь) лишь лицо той пустоты, ее томление, недаром в Ев(гении) Онег(ине) скука сам(а) названа „томлением душевной пустотой”» (Там же. Л. 15 об.).

Дневниковые наброски к статье о «модных мотивчиках» плавно переходят в продолжение работы над статьей о пустоте и скуке, царящих в городской культуре. 27 ноября 1908 года появляется, например, такое наблюдение: «Когда исчезает содержание жизни, приходится находить его. Нарочно влюбился. Почувствовал страсть и всю ее грозную драму. И радовался, что почувствовал хоть что-нибудь, ибо это хоть что-нибудь лучше, чем пустота пустящая» (Там же. Л. 20 об.).

Была, конечно, у Иванова и «положительная программа»: «Требуется не реставрация, не подновление, но колоссальное перерождение нашей жизни. Религия, вера есть прежде всего жизнь, и в ней через наше человеческое сознание [нрзб.] сознательно должно совершиться то ожидаемое перерождение, которое перероди(т) всю нашу опостылевшую жиз(нь) (...) и станем мы сильными в слове и

деле» (25 октября 1906 года; Ед. хр. 19. Л. 4—4 об.). С одной стороны, это звучит как сотый перепев деклараций Мережковских, с другой же — путь Иванова показывает, что перед нами не риторическое упражнение, но формулировка важнейшего жизненного задания. За этими словами о перерождении (преображении) стоит начало реальной и очень трудной работы. «Спасенье тол(ько) в Церкви, — написал он 31 августа 1909 года, — и Церк(ви), нося(щей) Имя живого Христа Апокалип(сиса). В Церкви Христовой победа над грехом, проклятием и смертью» (Ед. хр. 24. Л. 12 об.).

Иванова можно было бы поставить в ряд таких персонажей серебряного века, ставших служить Церкви, как П. Флоренский,⁸⁴ В. Свенцицкий, А. Ельчанинов, если бы он не остался навсегда «маленьким человеком», «бедным Евгением».

* * *

Неоднократно Иванов предпринимал попытки регулярно печататься в газетах. По-видимому, испытывал потребность в быстром воздействии на читателя. В период первой революции он печатался в газете «Страна», тогда же послал Мережковским в Париж статью «Демон и Церковь» для сборника «Царь и революция» (они ее «потеряли», но, по счастью, сохранился черновой автограф и первые варианты статьи). Позднее, познакомившись с А. В. Румановым, стал посылать статьи в «Русское слово». Весьма немногие из них увидели свет.

«Пригрели» его ненадолго только баптисты. Как же он радовался, когда в газете «Утренняя звезда» стали появляться его статьи. Первая называлась «Се, оставляется дом ваш пуст».⁸⁵ В 1911 году

⁸⁴ Кстати, о «культуре и культе» Иванов написал раньше Флоренского (но, конечно, как почти всегда у него — в дневнике и в незавершенных набросках).

⁸⁵ Ср. отклик Блока в письме от 29 августа 1910 г. на эту газетку, может быть, несколько отрезвивший Иванова: «Все близко и почти согласен, но что-то в корне для меня неубедительное (тут что-то общее с Мережковскими). Или это „общественность“. Мож(ет) б(ыть), так и надо говорить, чтобы услышали.

На передовицу „Утренней Звезды“ (соседящую с тобой) я зол чрезвычайно. Интеллигентщина наизнанку хуже кадетства. {...} Да сохранил нас от таких „Демон“» (Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову. М.; Л., 1936. С. 83).

Иванов сближается со священником К. М. Аггеевым и получает приглашение писать для журнала «Приходский священник».

Сколько-нибудь заметным публицистом Иванову стать не удалось. Больше он смог сделать живым своим словом. Еще в студенческие годы он был незаурядным оратором в университетском «Содружестве христианской молодежи», с момента создания Религиозно-философского общества стал постоянным участником собраний, почти всегда откликался на чужие выступления, но с собственными докладами выступал редко. Одним из наиболее значимых был доклад о национализме и Церкви. В дневнике за октябрь 1911 года сохранилось множество подготовительных записей к нему.

«Национальность сказыв(ается) в един(стве) языка, веры и духа народного, связанного с единств(ом) земли, населяем(ой) народом (слово, вера, Дух и вселенскость (...)).

Государственность не име(ет) значен(ия) ника(кого), если нет слия(ния) Духа на дух. Зде(сь) русс(кий) дух, Русью пахнет.⁸⁶

Государственн(ое) соединение не име(ет) никак(ого) значения, если нет объедине(ния) в духе народном, а призн(аки) объе(динения) — сло(во), язык и вера, исповедан(ие) и связ(ь) с землей...» (Ед. хр. 34. Л. 12).

«Земля Русская, но, слава Богу, Неба нет русског(о), вселенская лазурь. Церкви кверху поднимаются, тянутся куда жаворон(ки) подымаются к тверди, глубина Отца небесного, по которой тяну(тся) журавли» (Там же. Л. 15).⁸⁷

Доклады Иванова не всегда приветствовались. Так, после предварительного обсуждения реферата о национализме он записал:

⁸⁶ Неточная цитата из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила».

⁸⁷ О журавлях ср. в записи от 31 августа 1909 г.: «Хотел бы, чтоб вы стали журавлями, а не аистами. Ибо журавли трубят на полях, возвещая о рождени(и) Спасителя, а аисты приносят младенц(ев) в кап(усту). Пойдемте посмотрим, о чем нам благовестили журавли сегодня. Пошли, и видят младен(ца), в пеленах лежа(щего) в ясл(ех), и матер(ь) е(го)» (Ед. хр. 24. Л. 13). Этот образ журавлей-благовестников, был «подсмотрен» Ивановым на даче (вспомним «росное утро», наведшее на идею Боголобзания). 22 августа он записал: «Журавли под Бабловым. Боже мой, сколько журавлей. (...) Всюду клики журавлины(е) раздаются по полям.

Пойдемте посмотрим, о чем нам возвестили Ангелы. И находят Младенца в яслях спеленут(ого)» (Ед. хр. 23. Л. 49).

«Провалили мой доклад» (запись от 12 ноября 1911 года; Там же. Л. 36). Доклад все же был прочитан 5 марта 1912 года — уже под другим названием, чисто «розановским» — «Пол, нация и религия». «Проблемы национализма и проблемы пола в глубокой связи», — полагал Иванов (Там же. Л. 14).

Яркий эпизод, раскрывающий истинное место Иванова в истории Религиозно-философского общества, это история исключения Розанова из Религиозно-философского общества зимой 1914 года.⁸⁸ Иванов, почти со слезами умолявший не изгонять Розанова, являл тогда собой подлинное евангельское дитя среди премудрых и книжников.⁸⁹

* * *

Иванов очень много написал о вере и любви (некоторые записи приведены ниже в приложении 1). В наброске «О Любви» он советовал двигаться «не по земле, а на крыльях благодати и вдохновенной жизни» (Ед. хр. 41. Л. 80). Любовь ощущал как «полет над бездной», как восхождение, как «нагорную радость». А пережить пришлось сходение во ад. Сравнивая свой путь с блоковским, он записал: «На мою долю вме(сто) стихов выпала больна(я) жена, душевно больна(я). И я с нею. Это как в аду. И все же иду в эт(ом) аду, да благословит тут найден(ие) Госпо(дь) и Спасител(ь) Мира Христос» (дневниковая запись от 24 февраля 1939 года; ИРЛИ. Коллекция М. С. Лесмана).

В 1916 году Иванов женился на своей сослуживице Александре Фаддеевне Горбовой, религиозно настроенной и, к несчастью, душевнобольной. Они были знакомы с 1912 года, и Александра Фаддеевна, как видно по дневнику Иванова, проявила в период до болезни очень большую активность в «завоевании» своего суженого. Иванов хорошо знал, на что решается. Между прочим, еще в 1906 году он сказал Т. Н. Гиппиус, что не должен жениться, по-

⁸⁸ См. об этом: *Иванова Е. В.* Об исключении В. В. Розанова из Религиозно-философского общества // Наш современник. 1990. № 10. С. 104—110.

⁸⁹ По воспоминаниям Т. В. Розановой, в это время все прежние знакомые, кроме Евгения Иванова, перестали бывать у Розанова (см.: *Розанова Т. В.* Воспоминания об отце — Василии Васильевиче Розанове и о всей семье // В. В. Розанов: pro et contra. Антология. СПб., 1995. Кн. I. С. 71).

тому что на нем проклятие, за которое придется расплачиваться детям.⁹⁰ Пророчество сбылось: болезнь матери передается родившейся в 1920 году Марише, крестнице Блока (он же, кстати, был и шафером на свадьбе).

В 1940 году Иванов вспоминал о том, как в юности рисовал в воображении картину идеальной жизни: «Глупец. Мечталось мне за высшее счастье, это где-нибудь жить одиноко на даче со своим(и) в лесу. <...> Ночью творить, утром прогулк(а), сознание, что вот-вот чт(о-то) удастся, не бесплодно прошли ночи. И пото(м) новы(е) силы, нов(ые) толчки мы(сли) каж(дую) ночь. <...> Какое счастье. — Мечты. (Глупец!)» (Ед. хр. 82. Л. 11 об.).

* * *

Иванов шел ощупью, но чистота души и «правое сердце» позволяли из всего взять необходимое. Так, в 1902 году встречи с Мережковскими и Розановым неожиданно привели Иванова к первой сознательной исповеди и причастию (после обязательных гимназических).⁹¹ Очень скоро «рыжий студент Иванов» попытался вернуть своих учителей к Церкви, называемой теми «исторической», начал «сватать» им Церковь (за что получил от З. Гиппиус прозвище «сват»). Как многие люди того времени, он сначала совершенно не знал богослужения, никогда не читал святых отцов (зато почти наизусть знал Новый Завет). Но с детской верой он стал ловить каж-

⁹⁰ «Иванов говорит, что он девственник, потому что ощущает проклятие на себе, Божие. И если женится — дети будут уроды (прокляты), потому что нельзя с этим сознанием идти во тьму — безнаказанно» (Истории «Новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из дневников Т. Н. Гиппиус 1906—1908 годов. Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М. Павловой // Эротизм без берегов. СПб., 2004. С. 414).

⁹¹ 11 апреля 1902 г. он записал: «Не могу и выразить, какое глубокое впечатление произвело на меня говение. Царствие Небесное на земле, сохраненное так свято нашими священниками. Может, они и не понимают, что делают, но это-то и способствовало к подобн(ому) сохранению. — Церковь — это ковчег. Все Ангелы на куполе, Бож(ия) Матерь, все это, освященное моим внутренним светом, ожило, все было на самом деле. Если это символы, то тогда и мы символы, а если так, то ничего и не изменяется.

Я принял Причастие, пря(мо) слезы умиления.

Иерей в алтаре втыкал в ребро Христово копье с ложкой и давал тело и кровь Христову...» (Ед. хр. 1. Л. 87).

дое слово богослужбных песнопений и молитв, и это было семенем, павшим не «в терние и при дороге», а на добрую почву. Многие из познанного им интуитивно уже в те годы познано целиком в русле православного вероучения. Ряд же интуиций более родственен «Цветочкам» Франциска Ассизского (его имя упоминалось в одном из фрагментов, приведенных выше) или учению евангельских христиан, с которыми Иванов сблизился ненадолго в начале 1910-х годов.

Ему пришлось пронести крест семейной жизни с душевнобольными женой и дочерью, крест тюрьмы и ссылки (в Великом Устюге), тяжкий, хоть и незаметный, крест «выживания» по возвращении из ссылки. 8 июня 1939 года он записал в дневнике: «Благословил судьбу». Звучит как златоустово «Слава Богу за все». Скончался Иванов в первую блокадную зиму, в ночь с 3-го на 4-е января 1942 года, в квартире на набережной Карповки, непрерывно благословляя жену и дочь.

ИЗ ДНЕВНИКА Е. П. ИВАНОВА¹

(19—20 августа 1902 г.)

19 августа

Котенок мален(ький) едва не слепой на дороге найден. Кричит. Это мир кричит.² <...>

Пройдите вечером в августе по деревне. В окошечках свет. И видно, как мать качает люльк(у), — скрытая работа.

20 августа

Почему это, когда крестьяне едят, чувствуешь как бы жалос(ть) и во всяком случае нет отвратительного, что часто быва(ет) у нас.

Все дело в религии. Благословясь.

(22 января 1903 г.)

Не соглас(ен) с Леонтьевым о его понимании слов Ис(уса) Сирах(а) «Начал(о) пре(мудрости) Страх Божи(й), любовь — то(лько) плод»³ Поним(аю) эт(о) как смирение и тол(ько) смирение.

Я понял сегодня на представ(ении) «Женщи(ны) с моря»⁴ всю глубину этих слов. Бог — океан, Который если не испугает, то и не полюбит его. Здесь любовь, конечно, ка(к) бы вместе с страхом. Пугает и притягивает. Но надо почувствова(ть) всю силу, всю мощь и гибель бурного, надо испугаться этого океана, чтоб потом с силой еще большей, еще бо(лее) глубокой полюбить Его.

Бог — океан. Кто не почувс(твует) его силу — страх пред ним, перед бурей его, тот и не полюбит его! «Кто в буре не бывал, то(т) Моря не видал». Страх приводит к свободе.

¹ Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 662. Ед. хр. 2, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 13, 14, 16, 17, 20, 21, 22, 24, 25, 30, 35, 36.

² Следующая за этим фраза: «Отдал управляющей за 9 руб.» может быть понята так, что Иванов заплатил 9 руб. управляющей, чтобы она взяла себе котенка-найденыша.

³ Речь идет о чтении двухтомника статей К. Н. Леонтьева «Восток, Россия и Славянство» (1885—1886), данного Розановым. Указанная цитата (о ее источниках см.: Фетисенко О. Л. «...А плод его любви». (Еще раз о споре К. Леонтьева с Достоевским) // Достоевский и современность. Материалы XVIII Международных Старорусских чтений 2003 года. Великий Новгород, 2004. С. 248—254) встретила Иванова в статье «О всемирной любви» (1880).

⁴ Пьеса Г. Ибсена (1888), поставленная в 1903 г. в петербургском Новом театре.

В глубине мироздания(я) лежит священ(ный) трепет. Страх, ко-т(орый) охват(ил) Фауста, отпр(авившегося) к «Матерям». И эт(от) страх «Матер(ей)», так(ой) страх охватил «Зигфрида», когда он увид(ел) Брунг(ильду), и эт(то) пугающее и притяги(вающее) лежит в «женщи(нах) с моря». Океан всегда на горизонте.

⟨28 января 1903 г.⟩

Любовь к свету. То наш огонек. Он ютится около крови. Его слабо мерца(ющий) свет теплится над колыбель(ю) ребен(ка) и сопровож-да(ет) у семей(ного) очага. Тут узнает человек, готовящийся к выезду в мир, впервые узнает любовь к свету, любов(ь) основа(на) на крови, любовь родительс(кая) и к родн(ым) кровным. Здесь у крови семейно-го очага зарожда(ется) любовь к свету.

⟨5 марта 1904 г.⟩

Ах Боже мой, все это отлично, и порядок, и талант во всем, все в пра-вах и обязан(ностях), и эти распределе(ния), но что я буду делать с мое(й) влюбленностью. Ведь она не хочет знать н(ичего) эт(ого).

⟨16 марта 1904 г.⟩

Весною больше верится, потому что больше любится. Весною идет весна — любовь, влюбленность, нетленная идет молодость нетленная. Христос воскрес!

⟨26 марта 1904 г.⟩

Исповедывался. И на исповеди каялся, что не могу идти за Богом, по-тому что мало огня. И что бесы меня одолевают. И о новом Пути говорил.

Долго, дол(го) говори(л). Но исповеди не было. В первый раз я почувств(овал), что исповеди совсем не было и о Боге вспомин(ал) совсем мало.

⟨27 марта 1904 г.⟩

Блаженны переставшие считать себя блаженными. ⟨...⟩

Мы только умеем готовиться к празднику, праздновать же его мы не умеем. ⟨...⟩ Дни идут за днями в ожидании праздни(ка). Приходит ожидаемый и нет весели(я), и мы все скучаем и бродим с ки(слыми) ли-цами. Потому что мы разучи(лись) праздно(вать) и веселиться перед Богом, а научены только посту и скорби покаяния, терп(ению), труду, толь(ко) приготовле(нию) к празднику. Приготовле(ние) заслонило сам праздник. ⟨...⟩

Боюсь, как бы на евангел(ьской) брачной вечери нам не оказаться с унылым(и) постными лицам(и) одетыми во вретнища, а не в бел(ые) одежды брачные.

Боюсь, ка(к) бы с приш(ествием) Сына Челов(еческого) в Силе и Славе Воскресной не повторилось бы в обратн(ом) виде то, что было

в перв⟨ом⟩ пришествии: не приняли бы Его ожидаем⟨ого⟩ в посте ⟨со⟩ скор⟨бным⟩ лицом ⟨...⟩ за антихриста.

Ка⟨к⟩ бы лучезар⟨ное⟩ радостн⟨ое⟩ лице идущε⟨го⟩ в силе и славе не показалось бы непонятн⟨ым⟩ и неожид⟨анным⟩ как в первое пришествие лиц⟨о⟩ скорбное ⟨...⟩ не ожидан⟨но⟩ был⟨о⟩ ⟨...⟩ лице Цар⟨ского⟩ величия.

⟨6 апреля 1904 г.⟩

Не Бога ищете, а спокойствия, покоя своего. Не Его любите, а покой свой любите.

⟨13 сентября 1904 г.⟩

Ночь на воздвижен⟨ие⟩ Креста

Пролитая кровь и муки тысяч людей таинственно соделали наши огрубелые сердца более чуткими. И вот этой чуткостью, конечно, не преминут воспользоваться все люди — проповедники морали долга, нравств⟨енно⟩го закон⟨а⟩ и т. п. скучищи. ⟨...⟩ Но, друзья мои, не ходите по их путям, не слушайте угрюм⟨ых⟩ унылых должников. В них уж раз обманулись мы, никуда они не приведут, и не дадут утешения страждущим, а только потер⟨яете⟩ весели⟨е⟩ свое ⟨...⟩ не дадут они истинного счастья. Оставь⟨те⟩ их, они унылы духом...

⟨21 сентября 1904 г.⟩

И вот, видя, как бледный-бледный маляр ходит по световому нашему дворику и красит, а я в комнате, и тепло, и сыт, то и вспомни⟨л⟩ о суде Божиим, котор⟨ый⟩, ка⟨жется⟩, выразил⟨ся⟩ и в суде народном. Что каждый наверху должен ведь принести свет, и недаром он и тепло⟨м⟩, и одеж⟨дой⟩, и едою обставлен. И если обложен⟨ный⟩ та⟨кими⟩ привилегиями не принесет плода света и не пойдет народ, копошащий в ямах спасать, так сужден будет великим судом Праведного.

⟨22 сентября 1904 г.⟩

У нас из религии буря ушла, экстаз. Тайное лицо Христа...

⟨4 октября 1904 г.⟩

Землю мы забыли. Земли-то в нас мало, настоящей девст⟨венной⟩ земли. В нас есть пыль, грязь, камни, но земли? Нет! — По крайней мере в нас мужчинах ост⟨алось⟩ от нее одно лишь воспоминание; и если искать ее ⟨...⟩ так надо ис⟨кать⟩ ее в женщине.

⟨10 октября 1904 г.⟩

Был у Чулкова.

Он говорит, что конец Анархия, но я говорю — Люди — цари, это избранные, познавшие тайны царства небесного. 12 судей колен Израилевых на престолах Царства. А прочие — Израиль — народ — паства.

Пастыри и паства всегда должны быть, ибо таков мир, а что в мире, ка(к) и в нас свет. И ничего не значит, что мн(е) позорнее быть в пастве. Пасомый есть и царь в то же время. Это тайна, постигаемая только в Христианстве. И меж тем он не избра(нник) на царство, но (...).

И Христос — слуга и царь.

⟨27 октября 1904 г.⟩

Главный грех нашей культуры прои(сходит) из ее специализации. Так что за «делами» позабыли о первой любви.⁵ Да эт(о) так понятно, всякий раз как ищут спасения не в Боге, а в делах (обществен(ных)) добрых, всяк(ий) приходит к оскудению первой любви, которая вначале действительно возбуждала, но потом остыла. И душа не живет в человеке (...). Не живет человек, а развлекается от скуки, от томления душевн(ой) пусто(ты).⁶ (...)

Делать дело любви это не значит еще иметь в себе любовь, делать дела веры еще не значит иметь веру.

⟨1 ноября 1904 г.⟩

Кажется, нигде так личность, душа челов(ека), не была подавлена, как в нашей позитивной (...) культуре. (...) Человек всецело должен принад(лежать) не себе, а обществу. (...)

Искали, кричали о свободе души, личности, а сами не знал(и), чем наполнить эт(у) свободу, не осталась бы она пуста.

⟨4 ноября 1904 г.⟩

А для того люди развлекаются, чтобы не остат(ь)ся наедине лицом к лицу со своей «душевной пустотой», с томлением эт(ой) души пустой, скукой; и еще так(ая) скука не так страшна, в скуке и томлении есть прогресс и надежда еще не умер(ла). Но страшно то полное окаменение апатичное духов(ной) смерти, предтечей кото(ро)й явля(ется) скука.

⟨16 ноября 1904 г.⟩

Наша культура смотрит толь(ко) на внешнее, не на душу человека, а на человека деятеля. Челове(ка) деятеля и ценит; а что внутри у чело(века) (...) до этого нико(му) нет дела. (...) Культура наша так долго не продержи(тся), если н(е) буд(ет) обра(щаться) ко внутренн(ему) в челове(ке). (...) в культуру нашу не вошла религия...

⟨10 декабря 1904 г.⟩

Даже на небо горé взглянуть не рекомендуется нашими «деятелями», отвлекаешься-де от земли, насущного. Мне одна крас(ивая) барышня го-

⁵ Аллюзия на Откр. 2: 4.

⁶ Измененная цитата из романа Пушкина «Евгений Онегин».

ворила, что заниматься религи(озными) вопросами для студента позорно, надо дело делать! Общее дело. Но что делать и где силы взять дело делать, это вопрос невыясненный.

⟨18 декабря 1904 г.⟩

Истинно говорю вам, кто видел Славу Божию, тот уже влюблен в нее, томясь и простираясь к ней. Ненавидящий славу Бога, равнодушный к ней, не томящийся как влюбленный, не видел Царства Славы и если б даже видел, то не видел ее. Тот увидел, кто полюбил.

⟨25 декабря 1904 г.⟩

Познание без любви не есть познание Бога, но Дявола. ⟨...⟩

Христианство, то господствующее в общественном сознании христианство, такое теперь, бледн(ое), бессильное, бесславн(ое), имеет ли оно что-либо обще(е) с истинным Христом.

⟨27 декабря 1904 г.⟩

Страшно одному идти чрез преисподнюю, но когда рядом Бог, рядом одесную, руко(й) облокотя(сь), не страшно. И костер, ни пыг(ка), ни смерть. Ибо и в э(той) черно(те) ⟨...⟩ Христос мой и Бог мой!

⟨1 января 1905 г.⟩

Не удивляюсь тому, что сейчас на улице лошадь с лошадыю столкнул(ась) и кучера и хозя(е)ва потащили по мостовой, не удивляюсь, что прохожий на прохожег(о) налетел и оба упали и рассерди(лись), не уди(вляюсь) тому, что с крыши кирпичом голову проломило прохожем(у), не уди(вляюсь) то(му), что дом обломил(ся) и строи(телей) погубил, но удивляюсь бол(ьше) тому, почему это всего уже давны(м) давно не случилось со всеми: почему лошади с кучер(ами) и седок(ами) не налетают н(а) встречных; почему прохожи(е) не сталк(иваются) все врем(я) с прохожим(и), поч(ему) ⟨...⟩ дома все не перерушили(сь), как все это движе(тся) вне порог(а) нашего сознания. И не в том чудо, что во всем мире безобразия хаоса явитс(я), восстанет народ на народ и ца(рство) на царс(тво),⁷ но ⟨в⟩ том чудо, что до сих пор не вос(стало) ⟨...⟩ и небо не сви(лось), как свит(ок),⁸ и земл(я) не руши(тся), сохраняема(я) Словом Богом ⟨...⟩. Вот чудо неслыханное.

⟨9 января 1905 г.⟩

Многие соблазнились о Нем, не приняв Его тайного сокровенного лица. Одни, приняв Его без тайного лика и исказив, другие, отвергнув Его, потому что не познали сущего в Нем сокровенного лица.

⁷ Мф. 24: 7.

⁸ Аллюзия на Откр. 6: 14.

Кто виновнее, судить не нам. Не говорю о сознании, принимающем это лицо, а о жизни, которая показывает, принял ли человек сокровенное до времени пришествия славно(го) Его лицо.⁹

(17 января 1905 г.)

Сегодня нечто чрезвычайное. У нас хотят молебен отслужить. Я не пойду; в комнате останусь. Не остался в комнате, на молеб(ен) прошел (...).

Сказано: «Ядый и пья недостойно, суд себе ест и пьет, не разумея тайны Божи(ей)». ¹⁰ И я думаю, не только к таинству причащения изречение это относится, но и ко всякой «требе», обряду церковн(ому).

Почему же хотят, чтобы пьющих и ядуш(их) в суд себе число увеличивалось, почему же желать и увеличива(ть) насильно число соблазняющихся, суд себе пьющих и е(дящих). Меж тем так поступ(ают) теперь, заставляя принимать, потом(у) заставляя, что сзади их доброхотства стоит государство как санкция, донос на противление и велению и т. под. Естестве(нно), что люди средние, особенно когда человек он семейный, связанный не только обязанностями к своей личности, но и к (...) людям и что покоряясь идет и ест, пьет тел(о) недостойно, что и приводит (...) его к лести горше первой, т. е. лжи, которая хуже чем ложь отречения от церкви и т. п., тут идут и действуют страха ради и не Божия страха, а иудейск(ого) страха.

Для вас не во осуждение, для меня во осуждение. И разве для того, кто не верит в теперешн(ую) Церковь, потому ли что он не понимает тайн Божиих или пот(ому) чт(о), глубоко разумея тайны Божии, но не прин(имая), что церков(ь) в параличе, и верит в Грядущую как уже и теперь, для тех и других явление действий треб и таинс(тв) является колдовством, и для них действительно так бывает. И кто так в церков(ь) входит, для того церков(ь) соблазн есть.

(22 января 1905 г.)

И всегда она в общем была не особенно сладка, эта лична(я) частная жизнь, посемейная, поквартирная, поугольная, но за последнее время стала весьма часто совсем несносна. Не только на дне, в подвальных трущобах, но и наверху, особенно у райских обита(телей), у чердаков под крышами.

Нужда, беда, болезни, а то и просто несноснейша(я) хандра, что хуже холеры, поселилась во всех этажах и стонет люд, наполняющий их. Ад, а не жизнь. Помню где-то учил, «ад, — т. е. место, лишенное света», вот именно мы живем все лишенн(ые) света. Да, а с виду как будто и ничего себе, прилично: можно дать полицейское донесение, все обстоит благополучно. Приподнять же крыш(и), потолок(и), своды, [нрзб.] углы от-

⁹ Запись сделана ночью или утром, до того, как произошли известные события.

¹⁰ 1 Кор. 11: 27.

дельн(ые), личины, которые надеваются из самом(нения), и Боже, Боже мой, что там увидет(ь) можно. Главное гнусности много, досадного много. Белиберда как-то все. И как-то одно за другим гнетет, убивает понемнож(ку), полегонь(ку), мелочно, забывает душу, и главное безостановочно, главное *передохнуть* не дает, хоть немного вполне отдохнуть, порадоваться вполне: нет, этого не дожидайтесь, это нельзя-с: потихоничку, полегоничк(у), не молотом, не молотом, ни-ни, молоточком, молоточком маленьким, совсем не больно-с, гомеопатич(ескими) дозами, но непрерывно, действие самое сильное. И до того эта назойливость трево(жит), постоянно доводит человека (..) чт(о) готов он на стену лезть в духовном и в буквальном смысле. Вообще бесноваться человек во всю готов начать...

(24 января 1905 г.)

Нет у нас любви к ближним. Есть любов(ь) к людям одной с нами партии, а это разве к ближнему любовь, это к его убеждениям любовь. (...)

Партийность у нас процветает. И без партии можно ли дело делать жизни (...). И хоть партийность и ее тяжелые послед(ствия) нельзя устранить, то все же уменьшит(ь) гнусно(сть) можно. Но в том-то и дело, что наша партийность сама себя почитает за нечто весьма почтенное, достойное одобрения, дающ(ее) настоящ(ую) силу, энергию для делов...

(31 января 1905 г.)

У нас давно уже не восклицали Богу «раввун!»», у нас давно Бог только равви. Потому что милого лика у Бога нет у нас, который представляется нам людям метафиз(ическим) философам, отвлеченно схоластикам.

(1 марта 1905 г.)

Глядя, как Соня в конце драмы Чехова «Дядя Ваня» (...) утешает его, я думал: Соня есть вера.

Не может быть веры без любви...

(29 апреля 1905 г.)

Был сегодня в «Пиковой Даме». Неожиданно решил и поехал. До-стал билет. Люблю весной.

Если Пиковая Дама все вспоминает и горя(чо) о прошедших молод(ых) днях красы, то есть люди, у которых остыли чувства прежде, чем успели расцвести (...).

Я узнал, чье лицо глядит со сцены театра. Это лице наше(й) жизни (...). Это лице Демона глядит. (...) Крылатый Демон Лермонтова...

(10 июня 1905 г.)

Неужели в Царстве Небесном топтаться на траве нельзя будет, ибо ведь это тоже жертвоприношение земле.

⟨12 июня 1905 г.⟩

Учитесь смотреть в дали.

Где небо с землей обнялись в полях ⟨...⟩ учитесь смотреть в дали, там увидите Дальнего, Отца Небесного Истинного. Там земля и небо одно.

⟨14 июня 1905 г.⟩

Володя¹¹ говорит: летающие мухи и слепни «Христос воскрес» поют крыльями. Кажется, в прошлом году это я ему сказал. Нынче подтвердил. Кажется, я, потому что слышится в этом какой-то соблазн. И вот, по полю идя, он взял слепня и стал сечь его: «зачем кусает» и «зачем „Христос воскрес“ поет». За все это, конечно, я отвечу. Но и тут сказала глубина. Так люди рубят деревья, которые все славословят Бога, «Христос воскрес» поют, беззаботно. Правда, деревья, птицы, звери — все это не от мира сего.

⟨31 декабря 1905 г.⟩

Во Отце Небесном все цветет-живет. Звезды сияют; солнце, луна; цветы цветут: трава, деревья.

Звезды дневные, цветы полевые.

Цветы ночны(е), звезды небесные.

⟨...⟩ только мы не можем примкнуть к хору, цветом, не живем ⟨...⟩.

Мы как идолы деревянные.

⟨22 января 1906 г.⟩

Душа современного человека подобна шару, в которо⟨м⟩ ничто внешнее, чувства до глубины не доходят, до искренности чувствования, а лишь ударяют по поверхности, и шар начинает вертеться.

⟨17 марта 1906 г.⟩

Сегодня был у Татьяны Никол⟨аевны⟩,¹² спросил: «Что самое важное считаете в жизни для себя и для других». Т. Н. ответ⟨ила⟩: «Христос». Как просто и как хорошо.

Кто самый важный в жизни?

Христос. И замечательно, что это простая истина колоссальная познается, узнается в тебе с трудом. Хочет наговорить тысячу слов, тысячу привести важного, но не сказать главного.

⟨13 июля 1906 г.⟩

Маня говорит, что ее смущает будущее, переделка людей в будущей жизни. Что там люди уже не будут людьми, а будут совсем иными, чем-то,

¹¹ Мальчик, неоднократно упоминаемый в дневнике Иванова, вероятно, один из его младших родственников.

¹² Речь идет о художнице Татьяне Николаевне Гиппиус (1877—1957), младшей сестре Э. Н. Гиппиус.

чего мы не можем представить. Но что не может, ибо там можно ли будет всем сердцем, всей душой предаться одному человеку. Там ведь не буду(т) жениться и посягать.¹³ И хотя это вопрос саддукейский о трех¹⁴ мужах братьях, умерш(их) у е(го) жены, однако и она его знает. И если этого не будет, что же земное человеческое остается там, а буд(ет) жизнь, когда сама любовь, сам(ое) доро(гое) земное так изменяется, хорошо что совсем не из ничего, ибо любовь, которая страстно, ревностно, завидуя к обладанию другими, тем(и), кого любишь, любовь эта как [нрзб.]. Она не [нрзб.] Преображение.

Внешняя. Проклятие. Но страдание углубля(ет) ее. Счаст(ье) и мука. Мука углу(бляет) счастье любви. На конце муки <...> с концем счастья и после капли выпит(ой) до дна чаши. Там радость. И в этой последн(ей) капле чаши, капле радости, радость постигается, не говорю обретает(ся), радость совершенна Христ(овой) любви, вечн(ой) жизни.

— Я этой любви не понимаю. Там человек должен совсем быть переделан. Раз не ж(енятся) не посягают, как Ангелы небесные: ангелы, а не люди земные.

— Не понимая этого, не понимаем заповеди Христа Любви к ближнему.

— Да. Это не для нас. Это не исполнен(о) для святых, чтоб ее исполнить нам, как нам, надо погибнуть.

— Не говоришь ли ты, как одержимый бесом в Евангелии: «Зачем Ты пришел мучить прежде времени нас, зачем при(шел) погубить нас. Я знаю Тебя, Ты Святой Божий».¹⁵

Ведь дат(ь) неисполнимую заповедь любви это значит создать муки Тантаала. Близок локоть, да не укусишь. Мы люди грешные, а то есть святые. Заповедь любви для святых, а не для нас. «Зачем ты пришел прежде времени мучить нас».

Итак, пора всем нам сознать про себя, не судя другого, но судя о себе самом, что все мы одержимы бесом, мы ослепли, слепы, и заповедь любви нам кажется лишь мукой и уничтожением самих нас. <...>

О преображении

Есть разница и разница. Разница меж пшеничным зерно(м) и зерном ржи, разница иная, чем меж зерном ржи и его полным колосом. Такова разница и преобразования наше(го) в будуще(й) жизн(и). Но ведь в колосе полнота зерен в избытке. И как колос ржи более по виду отличен от семе(ни) ржи, чем семя пшеничное, тем не менее, по существу, он родня и едино с зерном ржи, так как от семени пшенич(ного) ни(чего) общего не имеет. Такова разница преобраз(сния) человека и преобразенной любви.

¹³ Ср.: Мф. 22: 30; Лк. 20: 35.

¹⁴ В Евангелии — о семи братьях.

¹⁵ Парафраз на Мф. 8: 29; Мк. 1: 24.

Если мы узнаем, что бесноваты, то и не должно ли нам поступать, как поступил бесноватый.

Броситься, кинут(ься), подбежа(ть) к ногам Христа. Он исцелит.

Маня хорошо говорит, что оттого «мертвая вода» исцеляет раны и скрепляет суставы (...) что смерть избавляет от мук и терзаний. «Иде же несть болезней, печали и въздыхания».¹⁶

⟨16 июля 1906 г.⟩

Вышел на город П(етербург) в трубу смотреть, слышу, кто-то пищит, мяучит. Смотрю, несчастный котенок. Правый глаз слеп под сизы(м) бельмом. Что делать с ним? — Убить. Вот разрешение случаев тех, в котор(ых) воскрес(ения) и жизни нет.

Не лучше ли тянуть медленно ляжку, взять больного, принять крест проклятия кормления и поения и имени пред глазами как вечный укор вечную жалобу его больных глаз. И если бы только себе, но таким же несчастным людям искалеченным, и так уже навязывать еще этого, новую прибавку. Не лучше ли грех на себя взять, убить. Кстати, и Петербург здесь замешался. Но как убью? — Сейчас его опять видел. Стоит бедный, глаз себе трет, да не сотрешь. Все менее вероятия, что убью. Во всяком случае подожду. Может, примут. А если будет по принятии невмоготу, всегда будет время. Тяжело все это.

⟨25 февраля 1907 г.⟩

Мещанство есть опустевша(я) жизнь плоти, опустевшая земля в нас. Опустела же она оттого, что тайна, таинственное, Дух вышел из земли и осталось одно пустое место. Так в поле женщина свелась просто к маме, к красиво(й) кукле...

⟨26 февраля 1907 г.⟩

Пол — это пробный камень, испытывающий твердость и глубину того или другого учения и истинность его.

Крайний Романтизм в крайних выводах своих соприкасается, сходится с крайним материализмом, край(ней) позитивность(ю). Эта точка соприкосновения есть Кукла, которая является пропастью для всего учения матер(иализма) и романтизма в области пола. Половое к кукле есть смер(ть). Но к этому приходит крайний романтизм. Который счит(ает) куклу за живое и т. е. действи(е) и материализ(м), которы(й) считает душу отпращиванием без тайны любви. При физическ(ом) исследо(ва)ни(и) Кукла объединяет эти два полярно противоположные учения, и

¹⁶ Измененная цитата из заупокойного кондака «Со святыми упокой...».

здесь пол является пробным камнем истинности этих двух воззрений и в данном случае показывает их несостоятельность по конечным выводам.

⟨21 марта 1907 г.⟩

Ученик должен стоять где-то между Христом, пишущим на земле, и обнаженной блудницей, стоящей перед Ним, Господи!

Ощущение бездны.

⟨10 мая 1908 г.⟩

Беда! Земля стареет. И, может, современное желание насладиться земным есть лишь последний порыв, как порывы женщины, чувствующей приближение своей старости, когда уже никто не возьмет ее, если бы даже она стала просить взять. Взгляды переменялись. Полу дали свободу, потому что пол почувствовал осень свою. И муха перед сном кусается. И это страшно. И взгляды переменялись, стали более свободны, свободнее стало полу, но страшно в это(й) свободе, и признак старости близко мира. Умер великий Пан, да, умер, Господи.

⟨4 ноября 1908 г.⟩

Религия начинается только там, где начинается жизнь. Может, жизнь и есть религия.

Может, можно сказать или пропеть следующее определение религии, или то же смысла веры:

Вера ест(ь) жизн(ь)
и жизнь е(с)т(ь) вера

Это определение веры уже вызывает за собой вопрос, а что есть жизнь, т. е. что ес(ть) истинная жизнь, чт(о есть) Истина и Жизнь.

Кто как живет, тот так и решает этот вопрос. Кто как живет, тот так и верует.

Дела — в смысле проявления жизни во вне — являются показателями веры.

Положение современное общества мне представляется таковым, как будто бы мы пропадаем в какой-то бесконечной пустыне мира неприютной.¹⁷ И осуждены на блуждание в этой пустыне ⟨не⟩ на сорокалетнее, как иудеи, а на бесконечное, как Демон, отверженный скиталец, образ которого ⟨о⟩ недаром так волновал наших корифеев наш(ей) поэзии, Пушкина и Лермонтова.

Поэтому в наше время жизнь, или ⟨ее⟩ остатки в нас, должна вопить, «вопить» в пустыне, чтоб окончательно не потеряться, не заглохнуть

¹⁷ Измененная цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон»: «Давно отверженный блуждал / В пустыне мира без приюта...»

в ней в этой бесконечной пустоте, томящей нас такой сухой, такой *бесприютной* тоскою, скукою безотрадной.

Эта жизнь или крики жизни, вопиющие в нас с такой тоскою, с таким точно предсмертным вздохом, воздыханием по ком-то или по чем-то я бы и назвал нашим религиозным исканием, ибо это ест(ь) искание жизни, искание полноты в себ(е) и во всем, полноты жизни, которая утрачена и утрачивается все более и более отчасти с годами, ибо и человек стареет, и сам мир с его родом человечески(м) тож(е) сам по себе изнашивается в своей [зачеркнуто: непосредственно(й) жиз(ни)] жизнени(ых) силах тоже своего рода стареет.

Итак вот как б(ы) знамени(е) религиозно(го) искания — это вопль в пустыне нашей переживаний, из пустоты нашей, из которой уходит жизнь, — это «глас вопиющего в пустыне».¹⁸

⟨12 ноября 1908 г.⟩

Нет праздн(ика) жизни.

Люди разучи(лись) радовать(ься), н(ет) праздников.

Нет праздни(ков), все будни, скучны(е) будни — серые. ⟨...⟩

Будни это делами наполняющееся пустое место. В праздник оно остается пусто и дает себя знать еще более невыносимой скукой, чем будни: вот отчего я и говорю: люди разучи(лись) радовать(ся), т. (е.) р(азучились) жит(ь) радост(ью) жизни, праздника жизни. ⟨...⟩

Кажется, что дела(ть) нече(го) потому, что не хочется. Всякое дело будт(о) потеряло свою соль ⟨...⟩ этот огонь, осоляющи(й) всяк(ое) дело, будн(ичное) дело.

⟨3 декабря 1908 г.¹⁹⟩

Нет явления более характерного для культурного общес(тва), для интеллиген(ции), чем ее «безбожие», ее внецерковность, и однако ⟨образ⟩ Мадонны-Богоматери страшно близок этим «безбожникам», подобно тому, как нет никого, кто был бы дороже и любимее врагу Церкви, неб(ом) отвержен(ному) Демон(у), чем Тама(ра), монахиня Тамара.

⟨5 декабря 1908 г.⟩

Зачем пустынною удаляться в пустыню, когда у нас внутри страшная пустыня.

⟨27 августа 1909 г.⟩

Потребность в крыльях.

Тяга земная с каждым днем, с каждым часом становится все нестерпимее. Чтоб избавиться, люди бросаются в пропасти, вырываются из законов земных во всякое беззаконие.

¹⁸ Ис. 40: 3; Мф. 3: 3; Мк. 1: 3; Лк. 3: 4; Ин. 1: 23.

¹⁹ Из набросков к статье о Демоне.

Преступление противоре(ственно) и смерть друг(ая)²⁰ и самоубийство. Но лететь вниз головой еще не значит лететь на крыльях. О это так понятно, но когда жить нельзя, тогда предпочитают пропасть! Пропасть или про́пасть? и то и другое вместе. <...>

Да, здоровым это можно, спасаясь от одиночества, убежать в пустыню: где внешний мир являет(ся) выразителем внутренне(го) и бывает тайне соприкоснове(ние). Но больным? От больных все отнято, кроме их постели, их опротивевшей комнаты. Между тем самые одинокие в мире люди — это больные. Кто с ними, если с ними нет Бога.

Тут какая-то последняя оставленность Распятого.

Но это все надо принимать, иначе потеряешь навек улыбку жизни.²¹

<23 декабря 1909 г.>

Любовь должна быть подобна водопаду в вечном падении. Женщи(н)а дол(жна) вечно падать и ник(огда) не разбивать(ся) о камни.

А неразбивающееся падение подобно полету.

В полете же крылья.

У любви есть крылья.

<19 октября 1910 г.>

Пишу о Вере для «Утрен(ней) звезды».

Единая истинная вера это тот, кто сказал, «Аз есмь Путь, Истина и жизнь». Иисус Христос. Это Вера — Жизнь, победа, победившая мир. <...>

Христос и поведет.

Есть вера живая и мертв(ая).

Ес(ть) любовь жи(вая) и мертв(ая).

<21 апреля 1912 г.>

Блаженны летящие. Как в слове лететь заключены два смысла; падать и совершать полет; паденье и полет: так и в блаженстве летящих есть эти два полюса, друг друга обуславливающие: падение в пропас(ть) и полет над пропастями.

<17 августа 1912 г.>

Закон нарушен, когда мы в себе искажаем естест(венную) природу и особенно пола. Пол особенно выдел(ен), св(язан) с законом и беззаконием.

Часто покаяние от повторе(ния) греха превращает(ся) в сентиментализм, привычка... и святость.

²⁰ Откр. 20: 6.

²¹ Из записей к докладу в Религиозно-философском обществе «Одиночество и Церковь». Об этом замысле Иванов писал Блоку 7 сентября 1909 г. (Памятники культуры. С. 116).

Чтоб слово прев(ращало) покаян(ие) в покаяние, надо дов(одить себя) до отчаяния в своем грехе. Рад(ость) по(с)ле капли отчая(ния). Рад(ость) нагор(ная). Но пер(ед) самоубийст(вом) у двери стоит.²² При отчая(нии) снова бездны и горы. Пот(ом) раская(ние) успок(аивает), приводя эт(о), повторил: «Иди и впредь не греши».²³

Зак(он) нравст(венный) и зак(он) природы связан(ы).

²² Аллюзия на роман Достоевского «Бесы» (ч. третья, гл. шестая, II).

²³ Ин. 8: 11.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ИЗ ТОЛКОВАНИЙ НА ЕВАНГЕЛИЕ

Основным творческим замыслом Е. П. Иванова начиная с 1910-х, вероятно, годов было создание Толкования на Евангелие. Основная часть была написана в 1920-е годы. Возможно, работа продолжалась и в устюжской ссылке в начале 1930-х годов. Наиболее полно истолковано Евангелие от Иоанна (прежде всего его Пролог). Не сохранилось (кроме разрозненных записей) или не было написано толкование на Евангелие от Матфея.

Текст Иванова представляет собой ритмическую прозу, в автографе (ИРЛИ. Коллекция М. С. Лесмана) он написан «сплошняком», но для восприятия удобнее разбить его на строки. Многочисленные библейские аллюзии и цитаты оставляем без комментария, кроме единственного более сложного случая.

(ИЗ ТОЛКОВАНИЙ НА ПРОЛОГ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА)

Играет солнце на восходе,
как брачное червленое вино,
в подъятой чаше на пиру-обедне Божьей.
Брачный пир устроил Бог
на радости о Сыне-Женихе и Невесте.
И радость Божия — была Его любовь.
Воля любви не быть одной самой в себе.
Любовь хотела радостью с другими
делиться, как друг с другом.
Нехорошо быть человеку одному.
И мир создал Бог, как другого к Богу.
По слову Слова Бога
лоном Духом Бога сотворился мир.
Мир сотворенный был «другой» для Бога,

как другой «не бог», как сотворенный,
не однородный, и не единосущный Богу.
На брачный Божий Пир мир Богом призван был,
как гость, как друг, свидетель радости Господней.
И было в сотворенном мире двое:
первый мир безплотных духов,
втор(ой) — мир «всякой плоти»
с человеком, матери земли,
третий будет мир предтечи ⟨...⟩
И возлюбил Бог мир как «другого» Богу, «друга»,
как ближнего, как самого Себе. ⟨...⟩

«Да будет свет!» —
так Солнце-Слово говорит в Своем ликующем восходе.
И мир-земля из лона ночи возникает перед нами,
словно вновь творится лоном Бога-Духа,
и, освещаясь в лоне неба, оживает все:
и голоса, и крылья, и всяческая плоть,
ибо свет солнца — жизнь,
и жизнь есть свет, солнце в человеках.
И в утре года «Первая Весна»,
как «первая любовь»,
Невеста Слова-Солнца,
грядет с зимы навстречу Жениху,
грядет младой «Снегурочкой»,
вся в снежной белизне ее преображения,
в белизне седой волны главы
младого старца Иоанна Богослова.
Одежды ее тают как закон;
преображаясь, блещут солнцем:
обращаются в поток воды живой
весеннего влечения к синим далям,
и мир становится текущим
в огненное море лона Бога Духа,
в живот Вечный,
ликуя к Богу Слову, Жениху,
восшедшему на небесах, как на водах.
И солнце и весна есть жизнь — свет человек.
Человек есть жизнь и свет,
когда в нем Солнце и Весна, как первая любовь.
Человек есть Слово,
сотворенное по образу
и по подобию Бога в лоне духа.

И видит человек лик человека в Солнце и весне.
Олицетворяет, во вдохновении обличает,
прозревает лики невидимого в твари,
лицо невидимого Бога,
создавшего его по образу и по подобию Своему.
И «*prima vera*», первая весна,
есть первая любовь и вера.
Она есть обличение невидимых вещей и надежды весть.
И вера-лоно Духа-Бога исходит от Отца
и дышит «в невидимых вещей»,¹
свидетельствуя нам о Боге и о Слове
истинном Единородном от Отца.
Не велико ли Солнце, не велика ли Весна?
и не велик ли Человек в них?
Но час начала и конца разорван
в сотворенном слове в не единородном.
И меркнет солнце и весна без слова в лоне Бога.
Их свет и жизнь тьма объемлет.
Объемлет тьма и очи человека,
когда отходит Лона-Бога-Духа, дышащий, где хочет:
и умирает человек.
При смерти, как и при рождении,
Лона Бога свидетельствует смертным о себе
своим видением, своею странною Великой Тишиною.
И в лоне Бога-Духа свидетельство о Слове,
об Единородном Сыне,
в котором смерть с рождением воедино
Воскресеньем и жизнью преображены.

<ИЗ ТОЛКОВАНИЯ НА ШЕСТУЮ ГЛАВУ
ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА>

Гора и море, словно хлеб с водой —
есть пища и питье на жертвеннике Божьем,
на мировом столе суда обедни Вечной пред очами Бога.

Водою из воды созданся мир плотской,
водою мертвой и живою жизни мира.
И горы-волны тела матери сырой земли,
и хлеб земли как тело с влагой жизни.
В телах животных с моря Духа кровь руда
течет водою живой и мертвой.

¹ Измененная цитата: «Вера ... вещей обличение невидимых» (Евр. 11: 1).

И скалы иссякают влагу жизни чудом.
И хлеб животный как живое тело
нераздельно с влагой вод живых и мертвых.
Да будет в жизни нашей горы с морем,
хлеб с водою, тело с кровью
не мертвой тленной, но живою пищей в Боге,
пищей, утоляющею жажду и алканье;
как Пасха и Суббота древняя
да будет Воскресеньем и Пасхой Новой
в браке ее с Сыном Божиим.

<ИЗ ТОЛКОВАНИЯ НА ДВЕНАДЦАТУЮ ГЛАВУ
ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАРКА>

Где деньги власть имеют,
там и государственная власть должна быть.
И чрез государство Кесаря
с печатью его, не Бога,
течет монета в мир.
И, видя изображение лица
и надпись Кесаря печати на монете,
спросил у них Иисус,
как чужой той власти,
что в монете властвует
кольцом владеющего миром:²
«Чье это изображение и надпись?»
Они сказали: «Кесаря».
А Он в ответ сказал:
«Отдавайте кесарево — Кесарю»,
раз видите его печать на деньгах ваших,
не видя Божьего огня печать на них.
От Кесаря монета в мир течет
с печатью Кесаря, а не печатью Бога;
чью видите печать, тому и отдавайте.
Кто ж на деньгах увидел Божию печать
свободы, из огня пришедшей,
тот власть закона денег преломляет
свободой Слова Бога и, раздавши все,
за Словом идет, и все отдавши Богу,
Божьим в ближнем, как и в дальнем.
Насколько человек подвластен власти денег,

² Аллюзия на тетралогию Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга».

настолько он подвластен и печати Государства
и должен Государству міра дань платить
из ценностей с печатью государской, полученных от міра.
Ибо власть денег с государской властью
подзаконно нераздельна силою договора в том кольце
имеющего власть над властями всеми міра со словами их.
Угрозою закона поднято копье
за нарушенье договора власти денег с государством.
И не преломишь власти государской,
не преломивши денег власть в себе,
ибо кольцо одно спаяло обе власти.
Кто же, словом Бога все от міра в мір отдав,
освободясь от власти денег,
преломит власть кольца владеющего міром,
тот свободен — волен волей Бога,
как сын нездешних царств, прибывший в наши государства,
волен Кесарю давать иль не давать,
что Бог на душу положит печатью своею не от міра.
«Отдавайте Божие Богу, кесарево — Кесарю».
И Божье Кесарю не отдавайте
из ценностей с невидимой печатью огненного Бога.
И Бога Кесарю не отдавай, не предавай.
Зная различать в печати жизни,
где Бог, где Кесаря мірская власть.
Так первые порвались сети вопрошавших
всей лицемерной хитростью геенны их змеиной злобы
и того, кто властвует кольцом своим над міром.
Порвалась сеть о камень преткновения и соблазна.
И волны, полетевшие на камень, обращались вспять.